Наталья ПАТРАЦКАЯ

ЯНТАРАНФИС

Наталья Патрацкая

Янтаранфис

https://litres.ru/74728147
SelfPub; 2026

Аннотация

Герои романа влюбляются среди янтарного антиквариата, или находят приключения среди осенней листвы и отблеска золота.

Наталья Патрацкая
Янтаранфис

Часть 1. Мираж янтаря

Глава 1

По дороге шел человек в потертых джинсах и красной ковбойке с полиэтиленовым пакетом в руке. Его сильная рука была оттянута тяжестью. «Какая тяжесть может лежать в пакете?» — подумала девушка, идущая следом за ним. Рука мужчины опустилась еще ниже и резко поднялась вверх. На дорогу упал сверток, в котором нечто блеснуло. Мужчина остановился. Остановилась и девушка, слегка задев мужчину и с трудом узнавая в нем некоего Степана Степановича, своего бывшего сослуживца.

— Проходи, Анфиса, — узнал ее Степан Степанович. — Ничего для тебя интересного нет.

— Степан Степанович, Вы золотые гири несете? — спросила с насмешкой Анфиса.

— Не твое дело! Иди своей дорогой.

Анфиса посмотрела на мужчину. Ей стало интересно, что такое он несет?

— У меня есть прочная сумка, я могу ее дать Вам, — предложила Анфиса наставительным тоном.

— Не нужна мне твоя сумка! — истерически крикнул

Степан Степанович.

— Зачем кричать? Дарю сумку! — воскликнула настойчивая девушка, протянув пустую сумку, сшитую из ткани.

Степан Степанович машинально взял сумку. Он поднял сверток с земли и небрежно сунул этот сверток в сумку, предложенную Анфисой. Рука его оттянулась под тяжестью предмета. Сумка стала трещать по швам.

— Эй, Анфиса! Забери свой подарок! Он рвется!

Анфиса оглянулась, подошла и забрала свою порванную сумку. Степан Степанович двумя руками держал сверток перед собой.

— Иди своей дорогой! Не смотри на меня! — крикнул он ей.

— Чего Вы так злитесь? — спросила она.

— Ладно, скажу. От тебя не избавиться иначе! Сегодня я обошел старый дом отца, который скоро будут сносить, и нашел самодельный слиток золота! Ты не поверишь, но это слиток моего отца, поэтому он мой!

— Здорово, Степан Степанович, Вы не украли, а нашли слиток золота в своем родовом доме. Радуйтесь, а я пошла.

— Нет, Анфиса, не уходи! Мне одному жутко с этим куском золота. Я побоялся такси вызвать, ведь любой таксист, как психолог, быстро узнает, что я золотой слиток везу. Ты вот все узнала, и он бы мог узнать.

— Понятно. Идемте ко мне. Мой дом рядом. Я недавно переехала в этот район.

— Идем к тебе. До моего дома еще далеко, — схитрил мужчина. — Анфиса, я отдохну у тебя немного, с тобой поговорю, а ты мне машину вызови по телефону. Я попытаюсь с таксистом не разговаривать.

— Я видела, что наша соседка ездит на машине. Пусть она Вас отвезет!

Разговаривая, они подошли к дому Анфисы, поднялись на ее лестничную площадку. Они немного посидели на кухне, чай попили. Анфиса не выдержала тайны и попросила показать ей слиток. Она еще никогда не видела самодельные слитки золота. Слиток ее удивил. Может, это и был слиток золота, но больше похожий на небольшой брусок, а по контуру его окружали янтари, которые так вжились в золото, что трудно их было отделить. Очень слиток напоминал печенье с изюмом.

— Ничего себе сокровище! Степан Степанович, а почему Вы решили, что это сокровище — слиток Вашего отца или деда? Это надо же было в слиток впечатать янтарь! Да как красиво получилось! Очень похож слиток на коврижку, которую смазали яйцом, а внутрь изюму не пожалели. Нет, этот слиток старше Вашего деда! Где Вы его нашли?

— Я же сказал, что старый дом отца пошел под снос. И отца давно нет, и дом часто пустовал. А тут вдруг объявили, что дом сносят. Я и пошел в свой дом, где родился. Я, когда был маленький, облазил весь пол. Еще в детстве я играл в «секреты» с соседскими девочками. Они закапывали в

землю осколки стекла или посуды, а потом их разыскивали, нежно сбрасывая землю с «секрета». Я разложил газеты на полу, лег на них и стал осматривать нижнюю часть комнаты с высоты своего детства.

Под корочкой головного мозга у меня осталась картинка из детского «секрета». Я тогда колупал стенку, покрытую штукатуркой, и в одном месте стены обнаружил золотистый предмет. Мне нравилось его трогать пальчиками. Вспомнил я! Это было под кроватью моих родителей, сверху над головой у меня тогда была железная сетка кровати.

Я покрутился по полу, нашел место, где стояла кровать. Потом я взял старую кочергу, лежавшую у печки, и стал отбивать стенку. Недолго и искал. Под кочергой блеснула золотистая вспышка. Тогда я стал рукой обдирать штукатурку, лишь иногда применяя кочергу. Из стены выпал золотой слиток с янтарями, завернутый в лоскут из мешковины.

— Степан Степанович, похоже, что Вы правду мне говорите. Значит, это действительно Ваше сокровище, и оно мне нравится.

Анфиса повертела брусок в руках и сказала:

— Это не слиток золота, а скорее железо, покрытое золотом. Вероятно, брусок снят с какого-то предмета. Возможно, что это ножка шкафа или гиря от часов.

— Еще скажи, что это стрелка из часов.

— А почему бы и нет?!

— Не дала мне порадоваться! Я думал, что богатым стану.

Нет, умная баба лишила мужика слитка золота!

— Не обижайтесь. Пакет Ваш порвался. Это чугунное литье, покрытое золотым налетом!

— Совсем меня бедным сделала, — обиделся большой мужчина.

Анфиса позвонила в дверь соседней квартиры. Из квартиры вышел накачанный молодой человек:

— Девушка, Вы к кому? Неужели ко мне? Анфиса — это Вы?

— Я, Платон, Ваша новая соседка. Необходимо мужчину отвезти домой. Я видела, что в этой квартире живет женщина, у которой есть золотистая машина.

— Это машина моей мамы. Но ее сейчас дома нет. Она не работает таксистом.

— Извините, я такси вызову.

— Правильно, вызовите такси, если мужчина сам не может этого сделать, — иронично ответил молодой человек.

Девушка резко повернулась к своей двери, но как-то всем своим существом почувствовала, что молодой человек смотрит ей в спину.

Она резко повернулась к нему:

— До свидания, Платон!

— Именно до следующего свидания, Анфиса, —проговорил сосед.

Анфиса прошла в свою квартиру и спросила грустного мужчину:

— Степан Степанович, доедете на такси? Хотите, я Вас провожу?

— Нет, провожать меня не надо. Золота у меня больше нет. Оставь себе эту позолоченную чугунную болванку с янтарями! — крикнул Степан Степанович, но чугунную болванку взял с собой как память о детстве.

С соседом по лестничной площадке Анфиса несколько раз поднималась в лифте. Они познакомились. Однажды он зашел к ней в квартиру и сделал ей официальное предложение.

— Платон, мы мало знакомы, — ответила Анфиса. — Не рано ли?

— Я не был женат, детей у меня не было, могу жениться, — невозмутимо ответил он.

— Чудный предлог для предложения руки и сердца, — заметила она без эмоций.

— Подожди, Анфиса! Я сейчас свою маму позову! — крикнул Платон и исчез за дверью.

Вскоре Платон появился в дверях с симпатичной женщиной, представив ее Инессой Евгеньевной.

Платон внимательно посмотрел на Анфису и сказал более настойчиво:

— Анфиса, давай поженимся!

— Сегодня? — засмеялась Анфиса.

— Немедленно, пока не явился кто-нибудь другой!

— Анфиса, твоя квартира просто великолепна, — усмех-

нулась Инесса Евгеньевна, осматривая комнату.

— Возможно, что у меня еще не так красиво, как хотелось бы. Подождите, к Вам кто-то пришел.

В дверь Анфисы постучали, а не позвонили.

Платон открыл дверь:

— Родион, как ты догадался, что я тебя жду в этой квартире?

— Услышал твой голос сквозь приоткрытую дверь. Я уже слышал, что у тебя появилась новая соседка. Нетрудно было догадаться, что ты ее не пропустил.

— Друг, ты пришел вовремя! Я сватаю соседку за себя, но ты ее у меня не отбивай!

— Я что, такой плохой, чтобы у друга невесту уводить? Я знаю, как ты с ножами управляешься.

— Прав, Анфиса еще не жена, но очень похожа на мою невесту.

— Так ее Анфиса зовут? Приятно будет продлить знакомство.

Анфиса и Платон действительно вскоре скромно расписались. Он всегда и во всем торопился, словно боялся опоздать. Вскоре он стал приставать к молодой жене с вопросом:

— Анфиса, когда у нас будет ребенок?

Она смотрела на него удивленно, не понимая, когда бы они успели сделать ребенка? Так получилось, что вскоре они поссорились, но быстро помирились. Платон легко менял взгляды на все устои жизни и долго на Анфису не сердил-

ся. Однажды он принес ей в подарок шесть стульев. Она искренне удивилась подарку: в маленькой квартире один стул поставить было некуда, а он принес целых шесть стульев!

Да, у нее маленькая квартира, и она так хотела сделать ее красивой! А вместо этого все свободное время у нее уходило на приготовление пищи для Платона, когда он жил с ней. А еще он принес каталог антикварной мебели. Она долго его рассматривала и смутно чувствовала в душе непонятную тревогу. Ей очень понравился журнал, а особенно мебель из этого журнала. Ей захотелось жить среди этой мебели! Да где ее взять? И главное, на какие деньги?

Минутная музейная слабость к золотым вензелям неизбежно переходила в жизненную потребность. Анфиса всегда жила среди прямоугольных домов или прямоугольной мебели, простой до примитивности. Получалось, что до двадцатого века создавали мебель, радующую глаза хотя бы небольшой части общества, а потом все исчезло и перешло в музеи. Ей так хотелось чего-нибудь золотого и с вензелями! Из-за этой потребности у нее всегда было смутное желание побывать в прошлом веке, и она ходила по музеям. Где еще найти остатки роскошной жизни?

Анфиса купила золотистую краску, поставила ее перед глазами, думая, что так она быстрее придумает, как ее использовать. А в душе у нее было пусто до отчаянья и головной боли: у нового благородно изогнутого стула две ножки постоянно выступали вперед. И куда они бежали? А сделан

он был так, что в его сиденье можно было сокровища прятать. Где их взять? Сокровища. И в голове нет ничего, кроме этой самой головной боли, а когда она сидит на этом стуле, то мысли лучше функционируют. На старом стуле мысли старые или в голове пусто и желания спят. Нет желаний.

Анфиса коснулась обивки стула рукой. У нее появилась мысль продать этот стул и его братьев за большие деньги. Ее вчера попутным ветром занесло в антикварный магазин мебели, и она увидела цены на очень старую мебель. Цены ей понравились, а дома у нее без толку стояли шесть стульев с изогнутым профилем, обтянутых шелком. Она взяла в руки банку с золотой краской, взболтала жидкое золото, задумалась на секунду и полиэтиленовой пленкой обтянула шелк, потом из пульверизатора покрыла дерево стульев золотой краской. Она залюбовалась своей работой и решительно набрала номер телефона:

— Платон, будь человеком, в твоей фирме есть камеры тепла и холода для испытаний? В камеру стул влезет?

— Анфиса, ты чего придумала на мою голову?

— Я что, деньги у тебя прошу? Нет. Я прошу взять новый стул, погреть его и заморозить раз десять — и все.

— Понятно. Понимаешь, дорогая моя, так поступают с иконами, но не со стульями!

— Родной мой, я не умею рисовать иконы! Я стул покрасила золотой краской, только олифы у меня нет, чтобы его покрыть.

— Ладно, возьму стул, погрею, заморожу. Но претензии по его внешнему виду не приму.

— Спасибо, а шесть стульев возьмешь?

— Радость моя, у нас солидная фирма! Один стул я смогу оправдать, сославшись на то, что его склеиваю, но шесть стульев...

— Возьми один стул, склей его. У стула на самом деле передние ножки от задних ног постоянно вперед уходят. Я уже их склеивала.

— Анфиса, слышу нормальную речь! Склею стул и проведу испытания клеевого шва в дереве.

— Платон, спасибо! Ты настоящий мужчина!

Платон принес стул на испытательный стенд. Работница стенда согласилась помочь испытать клеевой шов в стуле. Стул ей очень понравился, и она вполне понимала желание Платона склеить его качественно. Через пару суток Платон вернул стул Анфисе. Она ойкнула и радостно покрутила стул на одной ножке.

— Анфиса, чему радуешься? На стуле сидеть можно, но обивка несколько сжалась, само дерево слегка потрескалось, верхний слой покрытия вообще стал в мелких трещинах, надо теперь его заново красить.

— Платон, на этом стуле у меня в голове рождаются славные мысли, спасибо!

— Тебе видней. Я сделал то, что ты просила. Сиди на стуле и мысли. У меня сегодня много работы, стул я тебе при-

вез. Все, я уехал. Пока.

— Счастливо, родной! — Анфиса расплылась в радостной улыбке, закрывая дверь за Платоном. Она подошла к стулу, взяла его и понесла к соседке.

Соседка, приятная женщина, встретила ее спокойно. Анфиса высказала свою просьбу:

— Инесса Евгеньевна, помогите, пожалуйста! Мне от бабушки достался один старый стул. Я его выкинуть хотела, но мне так понравился его изгиб, что рука не поднялась.

— Конечно, Анфиса, я помогу тебе. Но чем? Почистить его шкуркой?

— Что Вы, ни в коем случае! Вы его сдайте в свой антикварный магазин, только не трогайте его. Я его сама довезу до магазина.

— Анфиса, я никогда ничего подобного не продавала. Получится ли у меня продать ваше наследство?

— Инесса Евгеньевна, бабуля мне рассказывала, что этот стул ей достался от ее бабушки, он у нее стоял в кладовке.

— Видно, что стул старый, забыли его вовремя выбросить, — усмехнулась Инесса Евгеньевна, но ее глаза хитро блеснули.

— Ладно, не надо его продавать, я просто хотела Вам показать бабушкино наследство.

— Анфиса, я думаю, что ты пошутила насчет антикварного магазина.

— Простите за беспокойство. — сказала Анфиса и спи-

ной, неся стул, вышла из квартиры матери Платона.

Дома Анфиса перевернула стул, оторвала пожелтевшую этикетку, еще раз осмотрела стул, поставила его в угол. Затем она вынесла из комнаты пять стульев и без стульев поехала в магазин на новом автомобиле.

— Вас что-то у нас заинтересовало? — спросил вездесущий продавец Родион Фигаро, между прочим, друг ее мужа Платона.

— Вы мне вчера понравились, а мебель сегодня, — ответила Анфиса, кокетливо улыбаясь продавцу.

— Меня среди антиквариата и мебели обычно не замечают, — хмуро ответил молодой человек.

— Что Вы сегодня вечером делаете? — спросила она молодого мужчину.

— К Вам еду. Я правильно понял? — усмехаясь, спросил продавец. — Рабочий день через полчаса закончится. Только мой визит Вашему мужу Платону может не понравиться.

— Можно я похожу пока по магазину, а потом поедем ко мне?

— Ходите, смотрите, это не запрещено, — предложил вежливо Родион.

Анфиса два раза обошла торговые залы, потом вышла из магазина и села в автомобиль. Она с тоской подумала, что делает глупость. Ей захотелось уехать от магазина куда подальше, но на крыльце показался продавец Родион Фигаро.

— Идите сюда, — позвала Анфиса, открывая дверцу ма-

шины.

— Женщины меня еще не возили на машине. — сказал он, глядя на машину.

— Времена меняются, я давно за рулем.

— Что мы у Вас делать будем? Я понял, Вы хотите оценить свой антиквариат!

— Мы уже знакомые, а антиквариата у меня никогда не было. Мебель у меня современная.

— Хороший ответ, а я подумал, что Вы заманиваете меня в дом как оценщика старой мебели.

В подъезде Анфиса столкнулась с Инессой Евгеньевной. Пожилая дама улыбнулась и вопросительно посмотрела в глаза Родиона, но промолчала.

Родион прошел в квартиру и воскликнул:

— Я прав, Вы меня привезли оценивать этот стул, — он подошел к стулу. — А что, неплохой стульчик! Прямо скажем, неплохой! — засмеялся радостно мужчина, а глаза его так хитро сверкнули, что Анфиса удивилась.

— Родион, Вы проницательны. — сказала Анфиса с некоторым внутренним раздражением, ей показалась, что афера себя не оправдала.

— Продать Ваш антиквариат? — спросил Родион, многозначительно покачивая головой.

— Нет, он мне дорог, как память.

— Все так говорят и продают, а покупатели эту память покупают. Сказать Вам цену на этот стул? — и он назвал цену.

— Так мало?

— Вот видите, из-за стула Вы меня привезли! А мало стул стоит потому, что без легенды и тянет на позапрошлый век.

— Правда, что ли?

— А Вы, Анфиса, не знали, что стул восемнадцатого — девятнадцатого века?

— Нет, на самом деле я его принесла из бабушкиной кладовки. Мне его профиль понравился, изогнутость ног и спинки. Я с детства этот стул помню. Я на нем сидела, когда к бабушке приходила пить чай с вишневым вареньем. Дома у нас варенья никогда не было, — увлеченно врала Анфиса и сама верила своим словам.

— С какой грустью Вы говорите и так красиво. Вспомнили бы лучше историю стула до варенья с чаем или вспомните, что бабушка говорила о своей бабушке.

— Не помню, мне это было неинтересно.

— Тогда дороже не продать. Я сейчас уйду, Вы стул сами привезете, а мы его продадим. Вот и вся любовь — на один стул. Я без обиды говорю, Вы не первая клиентка в моей работе, которая меня увозит на оценку антиквариата под предлогом интереса.

Родион ушел. Анфиса села на диван, еще раз посмотрела на стул и рассмеялась:

— Это ж надо! Восемнадцатый век!

Она позвонила Платону:

— Платон, спасибо за стулья восемнадцатого века!

— Анфиса, ты откуда узнала, что они восемнадцатого века?

— Твой друг Родион сказал.

— Ты бедствуешь, моя радость? Я купил стулья, а ты их продаешь?

— Стулья на самом деле из гарнитура восемнадцатого века?

— А ты вспомни, где я работаю! Я теперь работаю на частной мебельной фабрике. Мы изготавливаем мебель на заказ малыми партиями. Однажды нас попросили сделать гарнитур из восемнадцати стульев, похожих на стулья восемнадцатого века. Я ездил по музеям. В музее великого писателя нашел этот стул. Мы по этому стулу выполнили заказ, а заказчик оплатил двенадцать стульев. Шесть стульев я купил по цене с большой скидкой и тебе подарил.

— Вот теперь спасибо. А ты знаешь, что я могу один стул продать как антиквариат восемнадцатого века? Ты лучше скажи, где находится музей, в котором ты стул срисовал?

— Я соскучился. Приеду и все расскажу.

— Приезжай хоть сейчас. — сказала Анфиса и положила трубку телефона.

Анфиса спрятала стул, прошедший испытания на стенде. Пять стульев она распределила по квартире так, чтобы их число не сразу определялось. Посмотрела на себя в зеркало и решила, что красивее быть необязательно, и побрела на кухню готовить ужин для любимого мужчины. Дети у них по-

ка не появились. Платон хотел детей, бредил продолжением своего рода. Анфиса упреки на эту тему не выносила. Она привыкла к его дарам. Они ее устраивали.

Платон был гибким мужчиной, легким на подъем. Вес на его теле так равномерно распределялся, что он казался просто прекрасным, что Анфисе весьма импонировало. Он знал и чувствовал дерево в любом его проявлении, но что касалось техники — тут у него был полный провал. Машину водить он умел, но без особой легкости, хотя имел права на вождение. Вообще он весь был отголоском прошлых веков. Последнее время он вновь воспылал любовью к Анфисе. Она пыталась увильнуть от его назойливой любви, но чем больше она его отсылала, тем настойчивее он становился.

Если Платон любил Анфису, то кто из них сильнее любил? Непонятно. Она могла бы с ним и на футбол пойти, но он за футболистов не болел. А у Анфисы даже шарфик фирменный был. Не болельщик он футбольный, а наглый молодой муж, поэтому Платон Анфисе и нравился. Вечером они были на ночной дискотеке. Музыка гремела, цветомузыка вращалась и посылала импульсы в толпу танцующих людей. Анфиса танцевала так, что от нее постепенно все отпрыгивали в сторону. Она же почти настоящая танцовщица, и на нее интересно смотреть. Платон остановился и посмотрел на ее танец, за ним остановились все, и Анфиса вытанцовывала в одиночку.

На нее нашло вдохновение танца! Приятно! Анфиса на-

ходилась в центре внимания публики, в центре цветовой настройки танцевального поля, в центре музыки. Подошел к ней Платон после танца, и они пошли на улицу. Погода прохладная. Нуль или ноль градусов. И они два нуля. Но сейчас не об этом.

Нечто подобное вспоминала Анфиса, пока ставила рыбу, залитую майонезом, в духовку. Платон любил картофельное пюре со сливочным маслом и молоком, этим она и занялась. Накануне он привез сетку картошки, сетку свеклы и все остальные овощи. Она открыла дверь своему снабженцу и вновь пошла на кухню. Он сам знал, что ему делать с овощами. В нем не было эксцентричности, но была основательность, в нем не было любовной суеты, но любил он душевно. Анфису устраивала домашняя любовь без особых требований.

— Анфиса, я смотрю, все стулья на месте.

— Платон, а куда им деваться, все они здесь. — сказала она, снимая передник, оставаясь в платье, облегающем фигуру.

— Как ты хороша в платье! А то ходишь в брюках, словно ты не женщина!

— Я для тебя платье надела.

— А хоть бы и так, все одно приятно, глаз мой мужской радует. Хочешь знать, где я стул срисовал? Мы можем туда вдвоем съездить, если довезешь на машине. Это старая усадьба, музей писателя.

— Ой, Платон, вот почему мне на этом стуле хорошо думается!

— Угодил, стало быть, и то славно.

Через некоторое время Платон бросил Анфису по неизвестной для нее причине и вернулся к матери, видимо, у нее квартира была больше.

— Привет! — воскликнул Платон, встретив на лестничной площадке Анфису. — Я соскучился.

— Быть не может, — без эмоций возразила Анфиса.

«Жесть!» — подумала Анфиса и пошла дальше, у нее не было денег на покупку Платона. Она представила, как он в магазине купил куклу. Платон после очередного своего ухода от Анфисы действительно перешел жить к матери.

Поскольку квартиры располагались на одной лестничной площадке, то появление Степана Степановича в квартире Анфисы соседи заметили. Но Инесса Евгеньевна ради сохранения своей внешности мускулом на своем лице не дрогнула. Да и Степан Степанович при встрече спокойно пожал огромную руку Платона.

— Люди! — хотелось крикнуть Инессе Евгеньевне, когда она одна сидела в большой и пустой квартире. Когда женщина дома одна, ей прислуга не нужна, она влачит ленивое состояние. Она занималась тем, сем, потом ей это надоело. Одним словом — никого дома, надо же было ей придумать себе такой ленивый выходной день!

Глава 2

Инесса Евгеньевна, директор антикварного магазина, отдыхала от людей и суеты. Она достала обруч и стала крутить его вокруг своей талии. У нее замечательные ногти. Великолепная грива толстых волос украшает ее голову, которую она мыла два раза в неделю, и волосы прекрасно лежали в прическе и жирными не становились. Бог ее не обидел. Иногда она считала себя излишне худощавой. И вот такая женщина с огромными серыми глазами и миловидным лицом сидела дома по собственной инициативе и страдала от безделья, ею же созданного!

Поэтому Инессу Евгеньевну вполне устраивало возвращение сына Платона из соседней квартиры, с ним она становилась более обеспеченной. Его деньги шли в общий карман семьи из двух человек, деньги жене он не давал, если жил дома.

Анфиса почувствовала нехватку денег с тех пор, как от нее ушел Платон, но просить деньги у него она не могла; вот и пошла на аферу со стулом, а стул и впрямь оказался родом из восемнадцатого века, можно сказать, почтенной копией стула знаменитого писателя! «Вот тебе и легенда, — подумала Анфиса. — И придумывать ничего не надо, это на самом деле копия стула великого писателя восемнадцатого века! Надо только каким-то коленом к этому писателю примазаться, как масло на хлеб». Она медленно обошла домаш-

нюю библиотеку, обнаружила одну книгу великого писателя, прочитала биографию.

Все складывалось лучшим образом: они с писателем жили почти рядом по меркам огромной страны. Так что там бабка о своей бабке могла сказать? Это надо было придумать. Анфиса окунулась в книгу писателя, бывшего владельца настоящего стула. Заказчиком стульев восемнадцатого века был тот самый продавец из антикварного магазина. Звали его Родион. В магазине один покупатель забыл буклет с фотографиями усадьбы писателя. Родиону один стульчик на буклете очень приглянулся. Он его и заказал в фирме Степана Степановича, а Платон съездил в усадьбу и снял размеры с оригинала. Еще Родион был наслышан, что есть испытательные стенды, на которых можно провести процесс старения изделий, в том числе и мебели. Он хотел купить себе машину с большим багажным отсеком для перевозки мебели.

Директором антикварного салона мебели в то время работала Инесса Евгеньевна, именно она обмолвилась Родиону о стендах, которые были в фирме Платона. Родион покаялся, что стульчики он заказал, она его пожурила и похвалила, так они сообща купили двенадцать стульев и положили их на склад. Шесть стульев прошли несколько иной путь в доме Анфисы.

Инесса Евгеньевна сразу сообразила, что Анфиса пошла правильным путем по старению стульев, дальше они сами с Родионом справились с двенадцатью стульями. Перед Инес-

сой Евгеньевной лежал график ее личного старения, его знакомый экстрасенс составил: что было, что будет в плане ожидаемых болезней. А что, очень похоже. Инесса Евгеньевна от кривой своей старости особо не отклонялась. Получается, что жизнь похожа на гладиолус, бутоны раскрываются снизу и постепенно подбираются к верхушке цветка.

Гладиолусы бывают маленькие, с небольшим количеством цветков, а бывают породистые, ну очень большие. Каждый цветок что-то да обозначает, что бы он ни обозначал, а смысл один: больше цветков — длиннее жизнь. Инесса Евгеньевна претендовала на большую жизнь, то есть на большой гладиолус. Вредных привычек у нее не было, а это сразу давало значительный довесок к возрасту. Инесса Евгеньевна, женщина от природы властная, сыну подчинялась с полуслова. Она переживала первый кризис старости, костная система у нее стала выходить из подчинения. Она перечитала все статьи по поводу болезней ног, больше всего ей понравилась одна статья о том, как сохранить кальций в организме, и она бросила пить кофе, на этом она решила, что все рекомендации статьи выполнила и кальций будет у нее в норме. Она купила упаковку кальция из 20 таблеток, выпила четвертую часть таблеток, запила водой и отключилась.

Выспавшись, она принялась за уборку квартиры. Иногда ее доставали боли, но она упорно двигалась, ведь недаром женщины пожилого возраста идут в уборщицы или помогают убирать квартиры своим продвинутым детям! Как ни

странно, но именно это и есть народный секрет женской живучести.

Вечером домой пришел Степан. Полина услышала его голос, он разговаривал со своей матерью. Пройдя сквозь пожилую женщину, он предстал перед Полиной в новом наряде. Он был хорош своим внешним обликом. Она посмотрела на себя и сразу поняла, что сегодня он красивее, чем всегда. Полина загляделась на его ноги. Икры его ног просто покорили, они так круто смотрелись, что она сама к нему тянулась. Потом она его рассмотрела полностью, и в целом он был всегда симпатичен.

Отношения у них развивались по типу свободных людей, то есть он жил у себя дома, она жила у себя. До постоянства дело не доходило, этот вопрос Степан усердно тормозил. Она заикнулась пару раз и замолчала. Кем он работал, она так и не выяснила, но за нее он мог при случае заплатить. Деньгами он не сорил, но и не жадничал. Они ладили по этому вопросу полностью.

Иногда Полина возвращалась домой, она знала, что куда-то опять исчез Степан, в которого она чуть окончательно не влюбилась, но пока он не мог ей помочь. Не складывалась в ее голове картинка его очередного исчезновения. У него были иные задачи, которые она не понимала. Поэтому у нее еще была подруга и друг, который занимался охраной интеллектуалов разного типа, к которым можно было отнести Полину. Может, поэтому Степан иногда навещал Полину?

Полина осталась одна, так бывает после непредвиденных чудес и случайной молодости. Как обойтись без парикмахерских услуг, когда финансы поют романсы? Когда в кармане две копейки серебром, подаренные на 8 марта менеджером. Задача медленно, но выполнимая. И не сразу об этом, вначале о том, как она дошла до такого состояния, когда нет денег.

И вспомнила.

Степан предложил Полине развестись в очередной раз. Она достала из шкафа свидетельство о браке. Они оба одновременно сели на один автобус и вышли на остановке загса. Мужчина пошел налево. Женщина направо. Полина подумала, что Степан платит за развод и спокойно зашла в здание загса. Она вошла в кабинет, спросила, как можно развестись, если оба согласны, а муж уже пошел платить за развод. Ей ответили, что все в таком случает очень просто.

Полина вышла из кабинета и стала ждать Степана с квитанцией.

Он влетел с расширенными глазами:

— Ты что здесь делаешь? Идем со мной!

Полина пошла за Степаном, но, не выдержав его молчания, спросила:

— У тебя что, денег не хватило за развод заплатить?

— Идем, тебя без хитрости никуда не вытянешь. — сказал Степан и привел Полину в ювелирный магазин. — Надо отметить год совместной жизни! Выбирай золото, и на рубины у меня денег хватит.

Полина давно хотела примерить сережки с рубинами, но они оказались тусклые и скучные, а еще замки английские на дорогих сережках, которые можно открыть только ногтями. Сережки оказались не на высоте, замки портили всю продукцию.

Продавец заметила крепление в сережках Полины.

— У нас есть два типа сережек с таким креплением.

Полина посмотрела на сережки в руках продавщицы, выбрала одни. Пара спокойно вернулась в то место, откуда выехала для развода. Полина отвела душу с Степаном. И все встало на место...

Анфиса сказала:

— Полина, ты развод на сережки променяла!

Степан Степанович явился к Анфисе выговориться. Он посмотрел на Анфису, читающую книгу и совсем забывшую про него, собрал со стола посуду после ужина и стал ее мыть. «Вот и вся любовь», — думал он, водя губкой в пене по тарелкам и смывая с их боков пену водой.

Платон шел с работы, задумался, да и позвонил в дверь, можно сказать, по привычке. Дверь открыл Степан Степанович в переднике, пена на руках указывала на его домашний труд в квартире его бывшей жены, что Платону было хорошо знакомо.

— Привет, — сказал Платон. — Анфиса дома?

— Где ей еще быть? Книгу читает, — ответил Степан Степанович, полностью закрывая собой дорогу в квартиру.

— Я по привычке нажал на звонок, домой иду. — сказал Платон и стал открывать соседнюю дверь ключом.

Анфиса проблемами старшего возраста особо не страдала, она лежала и читала книгу писателя восемнадцатого века, у которого еще при его жизни был стул восемнадцатого века. Она всеми клеточками своего серого вещества мозга пыталась найти нечто общее между своими предками и великим писателем прошлого, пока ей это не удавалось.

Внезапно Анфиса почувствовала, что строчки книги уходят в темноту. Она подняла голову от книги, посмотрела на источник света, но вместо торшера у дивана обнаружила огромную фигуру Степана Степановича.

— Заметила, что я здесь! Анфиса, я к тебе пришел, а не к посуде.

— Простите, Степан Степанович! Я забыла о Вас, зачиталась.

Степан Степанович медленно опустился на колени, сложил свою огромную голову на ее грудь, слегка поводил волосами по платью, как гигантский кот. Молодая женщина не выдержала и погладила большую голову мужчины. Он медленно стал подниматься и с необыкновенной прытью барса перемахнул через нее и оказался лежащим с другой стороны платья. Анфиса повернулась к Степану Степановичу. Он сжал ее платье со всех сторон своими огромными руками. Она утонула в объятиях мужчины, продолжая держать в одной руке книгу.

— Да выкинь ты эту книгу! — в сердцах воскликнул Степан Степанович.

Анфиса разжала пальцы. Книга выпала из ее руки. Свободной рукой она обняла мужчину.

— Так-то лучше, — проворчал он, освобождая ее от домашнего платья.

— Степан Степанович, может, не надо?

— Еще чего! Мы взрослые люди. Муж тебя бросил. А ты лежишь тут передо мной, слегка платьем прикрытая, вся изогнутая по профилю, ножки свои голые демонстрируешь, а потом говоришь: «Не надо, Степан Степанович».

Анфиса поняла, что никто ее возражения не услышит, и откинулась на спину. Она выгнулась, как кошка. Прощальным взглядом встретилась с торшером и выключила свет.

— Свет чем тебе помешал, или я тебе не по нраву пришелся? — спросил Степан Степанович и уверенным движением расстегнул молнию на платье.

Женщина села и стянула с себя платье, ее ноги были в руках мужчины. Она и встать не могла, но подумала, что сама на стул стала похожа с вытянутыми руками, словно они — спинка стула с чехлом из платья. Наконец платье опустилось на пол.

Тут же властные, мощные руки вцепились в скромную верхнюю полоску с двумя выступами и слегка подергали маленькую вещичку. Она еще раз села, изображая стул, сняла и эту одежку. Руки мужчины, довольные до безобразия, взя-

ли в свои руки верхние, чувствительные выступы на ее теле, сжали, потом нежно-нежно стали проводить местный массаж чувствительных участков тела, освобожденных от ткани.

В какой-то момент времени рукам это надоело, и они бесцеремонно полезли к ногам. По этой дороге руки столкнулись с еще одной тоненькой одежкой. Руки нервно дергали несчастную тряпочку. Анфиса выкрутилась из последней одежки, оставив ее в руках мужчины.

Внезапно огромная масса тела взлетела над ней в порыве человеческих чувств. А ей очень захотелось выкрутиться из-под этой массы тела, но она практически подчинилась... «Еще немного, еще чуть-чуть» — и две массы тел объединились бы в одну, но как будто кто свыше сообщил об этом четырем людям сразу:

— некто позвонил в дверь,

— зазвонил телефон,

— запели на разные голоса два сотовых телефона.

Пара распалась на две части. Степан Степанович поднял свое огромное тело и рванул к личному сотовому телефону. Анфиса на три части разорваться не могла. Она стала собирать в кучу свои вещи, потом пошла за халатом, потом рванулась к телефону, а сотовый сам замолчал, оставив номер звонившего человека...

У двери стояла Инесса Евгеньевна:

— Анфиса, давай стул. Я его продам, есть покупатель на старый стул.

— Я раздумала его продавать, Инесса Евгеньевна, мне на нем хорошо думается.

— А кто там у тебя по телефону говорит? Платон дома сидит. А ты чего такая лохматая, и лицо у тебя красное, возбужденное...

— Я Вам потом объясню. — сказала Анфиса и попыталась свекровь отодвинуть от двери.

— Ты чего, Анфиса, я тебе помешала?

— Нет, я стул не продаю! Тема исчерпана.

— Анфиса, с кем ты там говоришь?! — прокричал Степан Степанович и высунулся в прихожую.

— Анфиса, ты не одна! — вскричала Инесса Евгеньевна. — А как же мой Платон?!

— Платон деньги отдает вам? Значит, и живет у Вас, а я сама по себе.

— Бабы, что за разборки в такое время?! — зашумел недовольный ситуацией Степан Степанович. — Что за ерунду вы говорите?

Инесса Евгеньевна слабо, но стала соображать, видимо, на ее гладиолусе очередной цветок распустился:

— Ухожу, ухожу. — сказала женщина и резко прикрыла дверь.

Платон сидел с двумя телефонами: сотовым и обычным, глаза у него были грустные-грустные. Ему было очень плохо.

— Платон, — сказала вошедшая в квартиру Инесса Евгеньевна и замолчала.

— Мама, Анфиса отдала тебе старый стул?

— Ей не до стула, я так поняла ситуацию в ее доме. Она стул не хочет продавать. А ты откуда про стул узнал?

— Анфиса мне стул отдавала склеивать, а потом мы провели серию климатических испытаний с этим стулом по ее просьбе.

— Понятно, а мне сказала, что стул ей от бабушки достался. Платон, ты не мог бы еще двенадцать стульев подвергнуть этим самым испытаниям, которым подвергли первый стул?

— Мать, ты чего? Анфиса просила еще для пяти стульев провести цикл испытаний, а ты уже двенадцать стульев предлагаешь, не много ли тебе?

— А жить всем хочется. Трудно помочь? Хочешь, я выступлю официальным заказчиком этих самых испытаний над стульями? Только надо все сделать так, как было со стулом Анфисы. Стул замечательно смотрится.

— Не понял.

— Ты давно был в антикварном магазине?

— Я туда вообще не хожу.

— Зайди, посмотри, чем торгуем. Где на всех покупателей антиквара найти? Вот, сами и придумываем вар-антиквар.

— Прости, не сразу понял. Ладно, испортим твои стулья по полной программе. У нас все записано. Кто-то у Анфисы есть? Она тебе говорила?

— Нет, я у нее никого не видела и ничего про других мужчин не слышала.

— А мне показалось, что у нее вместо стула славянский шкаф завелся.

— А шкаф в твою печь не влезет? Мы бы шкафчики сделали...

Анфиса словно очнулась ото сна и внимательно посмотрела на Степана Степановича так, словно холодным душем его облила:

— Степан Степанович, шел бы ты домой, ну не люблю я тебя!

— Чего глупость говоришь? Куда я пойду? Мне и тут нравится.

— Зачем ты ко мне банным листом прилип? Я думала, что Платон ушел, я одна поживу.

— Это его мать приходила? Красивая женщина!

— Шел бы ты к ней, что ли.

— А возьму и пойду, вдруг не прогонит. — сказал Степан Степанович, надевая рубашку.

— Ты что — всеядный? Тебе все равно, кто и с кем? — спросила Анфиса, застегивая молнию на халате и надевая тапочки на ноги.

— Не знаю. Меня бабы боятся, что прокормить не смогут.

— Скорее последнее. Оделся, тогда счастливо! — сказала Анфиса, не думая о последствиях.

Степан Степанович вышел из квартиры Анфисы, даже не думая на нее обижаться, и решительно позвонил в соседнюю квартиру.

Дверь ему открыл Платон:

— Вы к кому пришли? — спросил он недоумевая.

— Я пришел к Вашей маме. Мне с ней поговорить надо. Я для ее магазина мебель делал.

— Что Вы говорите, только без меня. — сказал Платон и вышел из открытой двери, но тут же позвонил в дверь Анфисы.

Анфиса посмотрела в глазок, увидев знакомый силуэт Платона, открыла дверь.

— Привет, Платон!

— Да мы сегодня уже виделись, просто день выдался длинный.

— Ты прав, проходи, садись.

— Можно, но не на стулья восемнадцатого века.

— Чай с лимоном пить будешь? У меня вафельный торт есть.

— Давай чай, если больше нечего дать.

— Я спать хочу, день трудный был. Сам чай нальешь? Все на кухне.

Платон пошел на кухню, походил, покрутился, вернулся в комнату. Анфиса спала...

В кресле тихо спал Платон, равномерное дыхание мужчины не нарушало общий покой комнаты. Анфиса, проснувшись, сквозь остатки сна пыталась вспомнить, кто в ее комнате спит. Она чувствовала второе дыхание. За окном светлело. Она перевернулась на другой бок и увидела спящего

в кресле бывшего мужа. Его не было несколько месяцев, и она успела от него отвыкнуть, но родные флюиды любимого человека вновь стали тревожить сонный покой.

Платон открыл глаза:

— Привет, Анфиса. Проснулась? Я тут как твой сторож сижу. Точнее, охранник. Я тебя от Степана Степановича стерегу.

— Доброе утро, если не шутишь. Еще есть время поспать, ложись на постель.

— Ты не прогонишь? От тебя всего можно ожидать. Устал я жить гонимым мужем. Я еще не выяснил, что здесь делал Степан Степанович. Вы с ним спали? Вот на этой постели?

— Платон, «что было — то было, и нет ничего, люблю, как любила, тебя одного...»

— Опять на песни перешла вместо слов! А я возьму и лягу рядом с тобой.

Анфиса вся потянулась, перевернулась, укрылась одеялом. Платон прошел в ванную, пошумел водой, вернулся и скромно лег на краю широкой кровати, потом не выдержал, повернулся и нырнул под одеяло к бывшей жене. Они обнялись порывисто, страстно и привычно...

Степан Степанович зашел в квартиру к Инессе Евгеньевне:

— Здравствуй, хозяйка! Не прогонишь? Мы одним миром с тобой мазаны, дерево любим.

— Чего от меня хотите?

— Любви и внимания.

— Вы в своем уме? — от возмущения у Инессы Евгеньевны голос стал прерывистым.

— А чего уж я такого предложил? Просто я соскучился. У нас с Вами связь крепче, значит, и любовь будет крепче.

Инесса Евгеньевна задумалась, вспоминая, что там у нее по плану в ее жизни написано, но вспомнить слова астролога не смогла. Она внимательно посмотрела на Степана Степановича:

— Вам сколько лет, молодой человек?

— Я Степан Степанович, мне много лет, я бобыль. Так чем мы не пара? Я знаю больше о Вас, чем Вы можете представить. Вы старше меня, но лет на семь, не больше, а семь лет никогда не считаются...

— Вам сорок лет? А мне все пятьдесят. Вроде и не старая женщина.

— А кто сказал, что Вы старая? Кормить меня не надо сегодня. От Вас я в трех автобусных остановках живу. Вы не бойтесь, у меня есть квартира.

— Скажите честно, я смогу от Вас сегодня избавиться? — спросила Инесса Евгеньевна со смутной тревогой в голосе.

— Вряд ли. Не тянет меня сегодня домой, у Вас уютней. Мне хочется женского уюта, знаете ли. И мне одному жить надоело.

— Платон сейчас вернется.

— Да ни за что Платон от такой бабы не уйдет!

— А ведь Вы правы, ради его счастья можно Вас потерпеть в своем доме.

— И на том спасибо, мне только диван большой нужен.

— Кровать у меня огромная, ложитесь на нее, а я на диване лягу.

Под утро проснулась Инесса Евгеньевна, спать на диване под пледом ей было неудобно. Она села на диван, сунула ноги в тапки, поправила халат, в котором так и спала из-за чужого для нее человека в квартире. На миг ей показалось, что медведь оказался медвежатником, что он вскрыл ее сейф и скрылся. Она почувствовала дуновение ветра и тревогу в душе.

Набравшись храбрости, женщина вышла в прихожую.

Дверь в комнату, где спал Степан Степанович, была плотно прикрыта. На вешалке для гостей висела его огромная куртка. На полу стояли гигантские кроссовки. Входная дверь светилась спокойствием от утренних лучей света, падающих на нее из кухни. Она бесшумно прошла по ковровой дорожке на кухню.

Степан Степанович сидел за столом и смотрел в окно.

— Степан Степанович, почему не спите?

— Меня вчера сам черт попутал, и я к Вам ворвался. Стыдно, знаете ли, на утреннюю голову. А я ведь и не пил вчера. Простите, если можете, я сейчас уйду.

— Я не отпущу Вас, еще к Анфисе пойдете стучать, звонить! Лучше часок здесь посидите, так надежнее.

— У меня ведь тоже есть сын, ему четырнадцать лет, я с его матерью развелся.

— Так Вы нормальный человек. У Вас все есть. Чего не хватает?

— Женской заботы. Люблю я женское внимание, уход, домашний уют, чистоту.

— Это всем нравится, а чем можете оплатить женское внимание к своей особе?

В куртке, весящей в прихожей, зазвонил сотовый телефон. Степан Степанович быстрым шагом подошел к куртке, достал из кармана телефон:

— Зинаида, привет! Почему рано звонишь? Что? Где он сейчас? Не знаешь?! Время пять утра! Ладно, еду домой, — прокричал с паузами в трубку Степан Степанович и обратился к Инессе Евгеньевне, закрывая крышку телефона. — Инесса Евгеньевна, мне надо уйти. Сын у меня сидит под дверью. Он от матери убежал. А я тут сижу.

— Да, конечно, поезжайте. Машина у Вас есть? Транспорт еще не ходит.

— Я бегом добегу, машины с некоторых пор у меня нет.

— Могу Вас подвезти. Мне и самой интересно, что там с Вашим сыном.

Инесса Евгеньевна предстала перед глазами изумленного Степана Степановича. Она была в джинсах, белых кроссовках, бирюзовом джемпере, связанном поперек, а не вдоль, как обычно вяжут свитера, с ключами от машины и от квар-

тиры, которые она быстро убрала в маленькую сумку, которую тут же повесила на плечо. Степану Степановичу женщина в новом исполнении пришлась по душе. Они сели в золотистую машину Инессы Евгеньевны и поехали к его дому по еще пустым улицам города.

Мальчик сидел на школьном рюкзаке и спал под дверью квартиры своего отца. Степан Степанович нежно поднял его, открыл дверь, ведя сонного сына. Следом за ними в берлогу зашла Инесса Евгеньевна. Однокомнатная квартира дышала запустением, легким налетом пыли. Сына Степан Степанович положил на диван и вышел к Инессе Евгеньевне.

— Спит Паша, просыпаться не хочет. — сказал шепотом Степан Степанович.

— Пусть спит. Выспится, сам все расскажет. Вы матери его позвоните, пусть не беспокоится.

— Да ни за что ей звонить не буду! Еще чего! Она позвонила мне и обо всем забыла. Пьет она, знаете ли, Инесса Евгеньевна.

— Трудный случай, тогда ему лучше у Вас жить, чем с матерью.

— И я так думаю. Теперь он большой, сам пусть решает, с кем жить.

— Так я пойду, Вы сами справитесь.

— Останьтесь, простите, но комната одна. Мы с Вами посидим на кухне, пока он спит.

Инесса Евгеньевна прошла на кухню, звенящую пустотой

холодильника, пылью на плите и мужской неприкаянностью.

— Степан Степанович, из чего здесь можно приготовить? У Вас ничего нет!

— Я все куплю, как только магазины откроются.

— Знаете ли, — сказала Инесса Евгеньевна, непроизвольно повторяя словечко Степана Степановича. — Не люблю готовить на чужой кухне. Сегодня воскресенье, жду Вас с сыном на поздний завтрак, часам к двенадцати.

— Будем, непременно придем, если Паша не заартачится.

В девять часов утра в квартире Инессы Евгеньевны раздался звонок в дверь, на пороге стоял Платон:

— Мама, у тебя все в порядке, а где Степан Степанович? Анфиса спит. На кухне у нее нет никаких продуктов. Есть хочется.

— Вы помирились? Улыбаешься? Значит помирились. Тогда поехали вместе в магазин за продуктами, по дороге расскажу, где я сегодня была.

Они зашли в универсам, взяли корзину на колесиках и стали обходить магазин по зигзагу, собирая все на своем пути и сбрасывая в корзину.

— Мама, чего так много покупаешь продуктов?

— В двенадцать ко мне придет Степан Степанович со своим сыном, и вы приходите с Анфисой. В честь вашего примирения я всех накормлю полным обедом.

В двенадцать часов дом Инессы Евгеньевны был готов к приему гостей не без помощи Платона. Первой пришла Ан-

фиса, она принесла торт и бутылку марочного крымского вина. Через пять минут появились Степан Степанович и Паша. Резко увеличившаяся семья села вокруг стола на стулья, изготовленные фирмой Степана Степановича.

Завтрак, переходящий в обед и ужин, затянулся на весь день. Платон сидел с Пашей за компьютером. Анфиса мыла посуду после длительной трапезы. Инесса Евгеньевна со Степаном Степановичем разговаривали в гостиной, сидя в двух больших креслах. Между ними стоял мраморный журнальный столик, на котором стояла ваза с фруктами. Они ели виноград и вели беседу.

— У нас с Пашей сегодня праздник жизни получился. — сказал Степан Степанович, отправляя в рот кисточку с виноградом и вытаскивая пустую ветку.

— Мне приятно вас всех накормить обедом. Я редко собираю дома людей, да и некого особо к себе звать. — сказала Инесса Евгеньевна, отрывая одну крупную виноградину от большой кисти и отправляя ее в рот красивыми пальцами с элегантным маникюром.

— Рай у Вас, просто рай, Инесса Евгеньевна! — сказал Степан Степанович, отрывая следующую веточку винограда.

— Оставайтесь у меня с Пашей. — сказала женщина и сама испугалась собственных слов, но забирать их ей казалось неприличным.

— А если мы согласимся, что делать-то с нами будете? Мы много едим, ведь мы крупные мужики.

— Что делать буду? Буду ездить с вами за продуктами. Учить вас готовить. Посуду вы мыть умеете.

— А где мы все поместимся?

— Квартира трехкомнатная. Платон помирился с Анфисой, он у нее будет жить, а вы у меня.

— Так давайте объявим о помолвке, я правильно Вас понял? И перейдем на «ты»?

— Не торопитесь объявлять, это вызовет антагонистические толки в наших славных рядах. Пусть все будет так, как само получится.

Глава 3

В этот момент входная дверь распахнулась. На пороге возникли трое мужчин в масках.

— Всем внимание! — прокричал один мужчина, размахивая в воздухе пистолетом, — Мы пришли раскулачивать директора антикварного магазина! Всем выйти в прихожую с поднятыми руками, а хозяйка пусть откроет добровольно свой сейф! У нее должны быть деньги!

Степан Степанович открыл челюсть, потом сомкнул ее. Он посмотрел, что люди потянулись в прихожую, подгоняемые налетчиками. Инесса Евгеньевна подошла к комоду, на котором стояла ваза с гладиолусами, словно хотела цветами защитить себя и близких ей людей. Степан Степанович слегка сжался и медленно вышел в прихожую, там он подмигнул

своему сыну, который резко выкинул вверх ногу и выбил пистолет у главаря банды налетчиков. Степан Степанович двумя руками обезоружил двух мужчин и скрутил им руки так, что те закричали от боли.

Через минуту три человека в масках были без масок и держали руки за спиной. Они подобострастно заглядывали в глаза Степану Степановичу. Одним из налетчиков оказался Родион, это он навел грабителей на дом своего директора магазина.

Первая гражданская жена Степана Степановича Зинаида позвонила второй гражданской жене Степана Степановича Полине и сказала ей:

— Полина, хочешь дочь Инну на каникулы отправить?

— Что, правда? Куда?

— Темнота, Паша мне позвонил, так они с отцом живут у директора антикварного магазина. И живут они как у Христа за пазухой.

— Его девчонку Инну не прокормить, вылитая его дочка!

— Я тебе сказала, а ты думай. Директорша и твою дочь прокормит...

Полина позвонила Степану Степановичу:

— Степан Степанович, где отдыхаешь? Возьми дочь отдохнуть к себе на неделю.

— Ты чего? Да я сам только пристроился!

— Пашу взял, а Инну не берешь?!

— Что за люди, отдохнуть не дают! Вези дочь ко мне до-

мой.

— Нет, ты не дома живешь, а у самой директорши антиквара.

— Хорошо, привози на наше место встречи, я буду там через час.

Через час Степан Степанович стоял рядом с дочкой лет семи и думал, куда пойти, куда податься. Мимо него проехала Инесса Евгеньевна на золотистом автомобиле, она остановилась рядом со Степаном Степановичем и сказала:

— Степан Степанович, что за красавица с тобой стоит?

— Моя дочь, Инна.

— Имя милое, куда путь держите? Ко мне?

— Что Вы! Мы гуляем. Мать ее дала мне на часовое свидание.

Инна во все глаза смотрела на красивую женщину в золотистой машине.

— Папа, я хочу поехать с этой тетей, у нее машина красивая.

Степан Степанович и Инна сели в машину.

— Степан Степанович, скажи честно, сколько у тебя еще детей?

— У меня всего двое детей, и те живут не со мной. Это дети моих гражданских жен.

— Если только двое, — задумчиво проговорила она, — бери с собой дочь на неделю, больше я не выдержу. Это в качестве премии за спасение от грабителей.

— Спасибо, Инесса Евгеньевна, век Вам буду благодарен. У нее каникулы начались, она дома у Вас неделю погостит.

Инна пронеслась вихрем по квартире. Она, закончив обход помещений, села в кресло и сказала:

— Папа, мне здесь очень нравится! Я согласна прожить здесь недельку.

Из соседней комнаты вышел Паша. Он с трудом оторвался от очередной игры, которую ему установил Платон, но оставить без ответа слова сестры по отцу он не мог:

— Инна, ты уверена, что тебя здесь оставят жить? Не жирно ли для тебя?

— Здравствуй, Паша! А я буду так себя вести, что меня захотят оставить. Вот!

Она встала с кресла и подошла к Инессе Евгеньевне:

— Я не буду Вам мешать, тетя! Я буду помогать Вам. Вот!

— Деточка, а что ты умеешь делать, чтобы мне помочь? Раньше я без помощников обходилась, а сейчас бы я от помощи не отказалась.

— Я умею пыль стирать с мебели, могу пол протереть, могу посуду помыть.

— Если ты такая трудолюбивая девочка, то я приму твою помощь. Идем, стол накроем для ужина.

Инна расплылась в довольной улыбке. Она вымыла руки и стала беспрекословно выполнять все команды Инессы Евгеньевны. Девочка сама пригласила всех к столу, затем на самом деле вымыла всю посуду. Хозяйка квартиры так бы-

ла удивлена ее усердию, что помимо своей воли предложила ей занять диван в гостевой комнате. Для нее самой оставалось одно спальное место: одна на двоих кровать со Степаном Степановичем...

Степан Степанович усмехнулся, но промолчал. Он сразу понял, что следует из визита дочери в дом с тремя спальными местами. Честно говоря, он был доволен новым обстоятельствам в своей жизни. Паша прочно занял комнату Платона, его диван, компьютер и начинал носить его вещи.

У Инны вещей с собой не было, это Инесса Евгеньевна поняла сразу, поэтому после завтрака она предложила девочке съездить в магазин, до его открытия у них еще было время на сборы. Инна мгновенно оценила ситуацию и покорно пошла за своим новым спонсором. Они купили самые необходимые вещи для жизни в новых условиях в течение недели. Девочка светилась от счастья, она нежно держала руку тети Инессы и подпрыгивала то на одной ноге, то на другой.

Степан Степанович с удивлением заметил, что ему нравится Инесса Евгеньевна в роли матери его детей. Он даже готов был на главное, а именно на то, чтобы она стала его женщиной. На этот шаг они еще не решались в присутствии Паши, а присутствие Инны, напротив, ускорило их решение быть вместе.

Инесса Евгеньевна поймала себя на мысли, что играет в чужую жизнь, но эта жизнь все больше ее захватывала своей неожиданностью. Инна изображала из себя горничную и сле-

дила за порядком в квартире. Ее настоящая мать последнее время работала администратором в гостинице. Дети уснули, тишина и темнота окутала квартиру. Двое взрослых людей лежали неподвижно на разных краях большой, массивной кровати с полукруглыми спинками, так они и уснули...

В квартире дети прижились. Шла неделя за неделей, а они все еще жили вчетвером. Инесса Евгеньевна все чаще забывала о своем отчестве, Степан Степанович называл ее Инесса, дети — тетя Инесса. Но, оставалось одно, но: ничего не было между взрослыми. Они спали под разными одеялами на большой кровати и боялись перейти последнюю границу.

«Я люблю этот славянский шкаф», — думала Инесса Евгеньевна, вспоминая Степана Степановича, сидя в своем кабинете. Он стоял у нее перед глазами, она очень хотела испытать на ощупь этот славянский шкаф. С каждым днем ей все сложнее становилось держать нейтралитет.

— Инесса Евгеньевна, — ворвалась в кабинет продавщица Лена. — Там, там привезли славянский шкаф!

— Что с ним, он ранен? — спросила Инесса Евгеньевна, продолжая думать о Степане Степановиче.

— Это шкаф. Он очень старый, но сколов на нем не видно.

— Какой шкаф, Леночка?

— Идемте со мной, шкаф в Вашем кабинете не поместится.

Они вышли на улицу.

На фоне кустов цветущей сирени стоял его величество

славянский шкаф! Это был уникальный экземпляр славянского шкафа! Метра два шириной, метра два высотой. Он немного напоминал сервант, секретер, шкафы для одежды, но в одном флаконе. Шкаф из дуба — это Инесса Евгеньевна сразу определила по рисунку древесины, из которой был выполнен чудовищный красавец. Весь шкаф с большим мастерством и вкусом был украшен вензелями. Рядом стояли четыре дюжих молодца в униформе строителей.

— Кто хозяин шкафа? — обратилась она к рабочим в спецодежде.

— Мы, — хором ответили богатыри со стройки. — Понимаете, мы старые дома сносим под новые застройки. Мы обходили дом перед тем, как его сломать, и нашли этот шкаф, он был закрыт старыми досками и всяким хламом. Хозяева шкафа уехали в новый дом, а шкаф сдвинуть не смогли. Мы его с трудом к вам привезли. Возьмите шкафчик, пожалуйста.

— Кому я его продам, он такой большой, — начала Инесса Евгеньевна сбивать цену.

— Понимаем, гражданочка. Вы не беспокойтесь, мы много не просим. Заплатите нам, сколько сможете, а мы на четверых деньги и разделим и забудем друг о друге.

— Хорошо, занесите его на склад. Шкаф еще реставрировать надо.

Рабочие взяли деньги, один из них оказался с паспортом, на него и записали сданный в магазин шкаф. Рабочий взял

деньги с чеком через кассу, разделил их перед кассой на четыре части, и они отбыли на свою стройку.

Инесса Евгеньевна вызвала реставратора мебели, который при виде шкафа наполнился счастьем до краев и приступил к любимой реставрационной работе. Вскоре на пороге кабинета директора возник Родион.

— Здравствуйте, Инесса Евгеньевна, — заговорил он.

— Родион, ты откуда и куда? И без пистолета?

— Инесса Евгеньевна, простите меня, пожалуйста! Мы пошутили. Пистолеты у нас были деревянные, их мой отец столяр делал для театра. Я взял три деревянные игрушки. Ребята захотели приколоться. Мы только пошутить хотели. Из милиции нас выпустили за отсутствием улик.

— У меня слов нет. Что ты от меня хочешь, гражданин Родион Селедкин по прозвищу Фигаро?

— Хочу вернуться на работу.

— Совести у тебя нет! Грабить своего директора магазина! Но работник ты хороший, с этим не поспоришь. Так что говоришь? Твой отец — столяр? Хороший? А шкаф сделать сможет?

— Да без вопросов.

— Прощу тебя ради твоего отца, только приведи его сюда.

— Отец здесь, он ждет меня на улице у кустов сирени. Обожает отец сирень.

Столяр Селедкин зашел в кабинет, снял кепку, наклонил голову в знак приветствия. Инесса Евгеньевна и столяр на-

шли общий язык. Столяр согласился сделать еще один шкаф из дуба.

В кабинете раздался телефонный звонок:

— Инесса Евгеньевна, это я, Анфиса. У меня есть идея, как продать антикварные стулья.

— Слушаю очень внимательно, — строго сказала Инесса Евгеньевна.

— Не надо ничего придумывать, все придумано. Надо написать табличку, что этот стул из гарнитура великого писателя восемнадцатого века, и рядом повесить фотографию кабинета этого писателя, на которой ясно виден стул. И все... Стулья состарим, договоримся с дежурной, которая испытания проводит на климатических стендах.

В кабинет опять зашел Селедкин-младший:

— Инесса Евгеньевна, я могу приступить к работе? Спасибо Вам за папу, он любит шкафы делать и очень любит работать с дубом.

— Действуй! Сам все знаешь. Дуб отцу на днях привезут.

Инесса Евгеньевна набрала номер телефона Анфисы:

— Анфиса, есть для тебя еще одно интеллектуальное задание.

— Слушаю очень внимательно.

— В обед в магазин приезжай, покажу один шкаф. Фотоаппарат цифровой не забудь взять, сфотографируешь дубового монстра, а потом надо ему историю придумать.

— Постараюсь помочь.

Затем Инесса Евгеньевна позвонила Степану Степановичу:

— Степан Степанович, будь человеком...

— А я что, славянский шкаф? — обиделся Степан Степанович.

— Кстати, о славянском шкафе, мне тут один шкаф привезли, посмотри сегодня. Очень интересный экземпляр.

Рядом со славянским шкафом собралось несколько человек. Реставратор открывал дверцы и шкафчики. Удивительно, но старый дубовый шкаф внутри сиял непонятной чистотой. Внутренность шкафа мерцала и переливалась от непонятных источников света. Люди стали издавать возгласы неподдельного восхищения при открытии очередных дверок и ящичков. Хмурое помещение склада замерцало и засияло непонятным освещением. Шкаф был пуст.

Инесса Евгеньевна позвонила Платону:

— Платон, мне привезли удивительный шкаф, он полон технических загадок. Мы не в состоянии понять, что такое есть внутри шкафа, что может светиться.

— Мама, немедленно выведите всех из помещения и закройте все дверцы шкафа. Немедленно! Я еду.

— Товарищи, всем немедленно покинуть помещение! — крикнула Инесса Евгеньевна прерывистым от волнения голосом.

Люди заторопились к выходу, вслед за ними все покупатели магазина и все сотрудники потянулись на улицу к ку-

стам сирени. Магазин опустел. Через десять минут появился Платон с человеком из общества по изучению непонятных явлений цивилизации, естественно, это был все тот же Родион Селедкин. Они прошли на склад.

Дубовый шкаф светился в темноте всеми своими щелями, расположенными между различными дверцами. Платон открыл дверцу шкафа. Родион сфотографировал внутренность шкафа. От вспышки в фотоаппарате произошла ответная вспышка в шкафу, из которого вылетело светящееся белое облачко и быстро исчезло. Светящихся веществ на свете существовало достаточно много, друзья об этом много читали и знали. Первое светящееся вещество типа белого фосфора было открыто в семнадцатом веке.

Если это шкаф бывшего химика? Платон и Родион вышли на улицу, где стояла целая толпа людей, сосредоточенных на создании различных предположений и вымыслов.

— Все в порядке. — сказал Платон, — Но шкаф лучше отдать на экспертизу в научный институт, он является химической загадкой природы.

— Платон, да я за него деньги заплатила! — вспылила мать не на шутку.

— Мама, отдадут тебе твои деньги! Тут, такая загадка! Такая!

Загадка не загадка, а во двор стали приезжать различные служебные машины. Шкаф с большими почестями отправили на экспертизу. Знатоки дерева отошли в сторону, они

хотели одного: изготовить еще один такой шкаф, но обычный, без светового эффекта, и продать его как шкаф семнадцатого века. Эксперты постановили: ввиду радиоактивности шкафа подвергнуть его утилизации.

«Облом», — подумала Инесса Евгеньевна и для возвращения своих средств, заставила всех, кто успел увидеть этот удивительный шкаф, его нарисовать, изобразить с размерами, с рисунками украшений. Она решила изготовить новый шкаф.

«Облом», — подумал Степан Степанович, он сразу понял, что дети ему больше не грозят. Вероятно, он рядом с этим шкафом потерял все свои мужские качества. И он решил проверить, а правда ли он еще мужик или уже все.

Вечером, когда дети спали, а делать было нечего, он протянул свою огромную руку к дремавшему телу Инессы Евгеньевны. Она повернулась к нему, коснулась своей рукой его руки. И вы знаете, мужчина решил, что эксперты их надули, он оказался полноценным мужиком, что вполне может подтвердить его женщина. Любовь состоялась, чего еще надо желать женщине? Все есть. Но не было теперь у женщины отдыха, не было личной комнаты. Она жила словно бы в чужом мире, в вечных гостях.

Куда бы она ни шла по квартире, везде были люди. Она и уснуть не могла без посторонних глаз и лишних вопросов. Для нее это было давно забытое прошлое, а таким настоящим она заплатила за любовь Степана Степановича. Доро-

гой мужчина оказался, лучше бы Селедкина взяла, он хоть бы своего отца ей в дом не привел, а сам бы пришел. Инессу Евгеньевну продолжали удивлять дети, дома был исключительный порядок, поддерживаемый Инной и Пашей. Степан Степанович исправно покупал все основные продукты на собственные деньги. Паша неплохо готовил.

Одним словом, все в доме само делалось, а то, что они замечательные охранники, она знала на личном опыте последнего комедийного ограбления с участием Селедкина с деревянными пистолетами и двух его приятелей в масках из гольфов.

Как избавиться от домашних трудолюбивых завоевателей? Вот в чем вопрос нынешней жизни Инессы Евгеньевны, ее даже Степан Степанович перестал волновать.

Она взяла почту из ящика, огромную кипу рекламных газет, открыла верхнюю газету и обнаружила объявление о новой косметической процедуре. Из своего бывшего кабинета несколько раз позвонила в этот салон и при первой возможности поехала на новую процедуру. Процедура еще та. Ее натирали морскими водорослями, обмазывали гелями, пеленали полиэтиленовыми полосами, широкими бинтами, пропитанными различными составами, делали массаж лица. Через полтора часа она встала с места, шатаясь.

И только через двенадцать часов Инесса Евгеньевна почувствовала легкость в теле и полное равнодушие к окружающей среде. Она остыла к Степану Степановичу. Он это по-

чувствовал и сказал, что для всех отпуск закончился.

Вечером все семейство Степана Степановича разъехалось по своим местам без помощи Инессы Евгеньевны, поскольку она впала в молчание. Она проводила домашних завоевателей, посмотрев в окно. Зашла в свою пустую квартиру и перешла на новый этап своей жизни. Она взяла новую книгу, легла головой к окну и стала читать. Из книги выпала фотография, на фотографии был снят славянский шкаф на фоне сирени, а рядом со шкафом стоял Степан Степанович.

Интересно, когда успели сделать фотографию и сунуть ее в новую книгу? И тут она вспомнила, что покупала книги для Инны и купила себе книгу. А на цифровой фотоаппарат снимала Анфиса по ее просьбе. Славянский шкаф хорошо получился, а ее глаза обратили свое внимание на Степана Степановича, в сердце прошла теплая волна чувств. Она вздохнула, отложила фотографию, но удовольствие от чтения было основательно испорчено воспоминаниями.

Степан Степанович места себе не находил, бродил по пустой квартире, как зверь в клетке. Душа его разрывалась на части, хотелось выть, кричать от пустоты, от безнадежности своего существования. Все казалось глупым, ненужным, скучным. Раздался звонок:

— Папа, ты не грусти, — проговорила быстро Инна и тяжело вздохнула. — Я так рада, что мы с тобой были вместе у тети Инессы! Мне так хорошо было с вами. Спасибо...

Дочь сама прервала свое признание.

Телефон вновь зазвонил:

— Отец, спасибо тебе, мы так хорошо все вместе пожили, — пробасил Паша.

Сын положил трубку, не дожидаясь слов отца.

Третий раз зазвонил телефон:

— Степан Степанович, мне плохо без вас. Извините, я вас вроде не прогоняла. Может, чем вас обидела? — тихо и грустно спросила Инесса Евгеньевна.

— Инесса Евгеньевна, дети только что мне позвонили, они сказали, что у тебя им было классно! Все нормально.

— Так в чем дело? Приезжайте ко мне. Ой, ко мне кто-то рвется! — прокричала женщина и бросила трубку на пол.

Степан Степанович услышал, что на его Инессу Евгеньевну опять совершено нападение. Он позвонил сыну. Оба побежали ее выручать. По цепочке новость дошла до Инны, и она поехала к тете Инессе. В квартиру Инессы Евгеньевны ворвались два мужика. Как они вошли, осталось загадкой. Или она дверь забыла закрыть?

Один мужик с порога закричал:

— Платон! Ты где? Ты забыл взять удочки и оставил их у подъезда!

— Карася не поймаешь! Выходи и забери удочки, а мы пошли! — прокричал второй мужик.

Инесса Евгеньевна выглянула в прихожую, там и правда два мужика из их дома держали в руке вязанку удочек.

— Простите, а как вы вошли в квартиру?

— Мы к Платону пришли. Он удочки забыл у подъезда. Бабы видели, что он с Анфисой своей собрался ехать. Вещи носили, удочки забыли. Мы и решили удочки к нему принести, уж очень удочки хорошие. Здесь и спиннинг есть. Мы все принесли.

— Спасибо вам. Значит, Платон уехал на рыбалку без удочек. Я ему сейчас позвоню.

Мужики вышли в коридор.

Послышался голос Степана Степановича и его крик сквозь дверь:

— Инесса, у тебя все в порядке?

Инесса Евгеньевна открыла дверь, пропуская Степана Степановича. На лестничной площадке она заметила Пашу, который поднимался пешком. Они втроем зашли в квартиру. Через десять минут появилась Инна. Все четверо дружно рассмеялись и разбрелись по своим местам.

Второй визит детей в квартиру Инессы Евгеньевны носил несколько иной характер, нежили первый.

Инна ничего не убирала, много рисовала, разбрасывала листки по квартире, книги не читала, постоянно звонила по телефону подругам, сидела во Всемирной паутине, не подпуская к компьютеру Пашу.

Она уходила, уезжала к своим бывшим подругам. Дома говорила, что она у Инессы Евгеньевны, а Инессе говорила, что она у мамы. Инна, если пытались ее ругать, делала невинные глаза и продолжала вести себя в духе визита номер два. Па-

ша тоже не отличался усердием. Он уже не пылесосил квартиру, не пытался готовить еду. Он просто не пытался никому угодить, найти его было весьма затруднительно, и лето было в разгаре.

Степан Степанович особой любовью к Инессе Евгеньевне не пылал, зато ругал ее по любому поводу от души. Он мог ругать ее часами. Эта троица поверила в свою безнаказанность и большую необходимость в жизни Инессы Евгеньевны. Женщина не знала, что ей делать в создавшейся адской ситуации. Молодые из поездки не возвращались, уехали на две недели, а их не было уже три недели.

Неприятности со всех сторон сжимали Инессу Евгеньевну. Она вспомнила, в каком месте находятся сердце и нервы. «Клин клином вышибают», — подумала Инесса Евгеньевна и объявила семейке Степана Степановича, что все деньги кончились. Она перестала давать деньги на продукты. А Степан Степанович на свои деньги во второй визит ничего не покупал. Она сократила все расходы, дома хлеб и тот закончился. Инна первая сказала Инессе Евгеньевне «прощайте» и ушла. Вскоре дом без продуктов покинули Паша и Степан Степанович.

Из почтового ящика взяла Инесса Евгеньевна прессу. Прочитала о бассейне, расположенном от нее не очень далеко, и пешком пошла с одной сумкой в руках. Плаванье успокаивало, она заметила в лягушатнике новый гидравлический массаж, покрутилась перед мощной струей воды, когда вы-

ходила после этой раскрутки, резко упала на кафель. Полежав немного, поднялась и пошла домой с очередным ушибом от жизни.

По дороге в незаметном киоске она купила хлеб, сок, засунула продукты под вещи — и домой. Дома долго натирала мазью место ушиба на руке. После пережитых неприятностей даже телевизор не шел на ум, книгу она в руки не брала. Так и уснула.

Гроза бушевала всю ночь, утром ливень прекратился, а днем молодые приехали и подарок привезли Инессе Евгеньевне. Где они были, ей особо не рассказывали, сказали, что хорошо отдохнули. Инесса Евгеньевна воспрянула духом, но попросила проверить подарок на радиоактивность. Платон, смеясь, протянул ей прибор. Показатели были в норме.

Платон не мог выбросить из головы славянский шкаф, а его друг Родион — тем более. Они верили в радиоактивное свечение и не верили. Больше всего они боялись, что славянский шкаф уже успели уничтожить, и надеялись на неисполнительность исполнительных служб, и были правы отчасти. Шкаф вывезли на свалку и сбросили в общую кучу, недавно утрамбованную мусорной техникой.

Шкаф привлек внимание местных людей-воронов. Они общими усилиями шкаф вынесли со свалки, поставили на проселочной дороге и залюбовались деревянным исполином. Один мужик открыл дверцу шкафа, свечения в шкафу не было, да он и не знал, что оно было. Шкаф по обще-

му согласию установили в лачуге, он стал целой стеной. Его многочисленные дверцы и ящики радовали людей-воронов свалки.

В качестве стенки и обнаружили шкаф. Даром шкаф мужики не отдавали, но за пару бумажек — отдали с великой радостью. Шкаф вытащили из лачуги, вид у него был затрапезный.

Платон так и сказал:

— Шкаф, до чего ты грязный, старый, паршивый, можно сказать! — не успел он договорить свои бранные слова, как весь исчез в славянском шкафу.

Родион глазам своим не поверил: был человек — и нет человека, а мужики к этой минуте уже ушли покупать зеленого змия на зеленые бумажки. Родион открыл самую большую дверцу шкафа, Платона там не было. Он посмотрел за шкаф, но и там его не было. Он стал быстро открывать все дверцы и ящики, но нигде друга не было.

Свечения в шкафу тоже не было! Родион измерил радиоактивность шкафа, параметры были в пределах нормы. Анфиса подъехала к шкафу на своей алой автомашине с автоматической коробкой передач:

— Вот вы где пропадаете! Ищу вас везде! А где Платон? Родион, я тебя спрашиваю! Где мой любимый муж?!

— Анфиса, он исчез в шкафу без остатка.

— Ладно, я его сейчас соберу. — сказала Анфиса, фотографируя шкаф.

После вспышки фотоаппарата из шкафа, как джин из всех щелей, появился единый Платон.

— Родная моя, ты меня спасла! — кинулся Платон целовать Анфису.

— Ругаться меньше будешь, — ответила она, набирая номер мобильного телефона Инессы Евгеньевны. — Инесса Евгеньевна, это я, Анфиса! Я нашла Платона и славянский шкаф.

Глава 4

Шкаф привезли к цветущим кустам сирени, выгрузили, поставили на асфальт. Родион и Степан Степанович всем зевакам запретили говорить плохие слова рядом с грозным дубовым шкафом. Родион проснулся с мыслью, что он непременно должен купить славянский шкаф в свое личное пользование, тогда шкаф сделает его богатым бизнесменом. Он только жалел, что две зеленые бумажки людям-воронам отдал не он, а Платон, и шкаф перекочевал в магазин, а у Инессы Евгеньевны шкаф станет таким дорогим.

После своего вещего сна Родион пришел к мысли, что шкаф ему нужен для фокусов перед людьми, для которых он станет магом и волшебником. Он научится вызывать дух шкафа из прошлого и сам изучит возможности шкафа. Он будет его единственным владельцем. Родион жил на первом этаже холостяком в однокомнатной квартире, поэтому до-

ставка шкафа в его квартиру для него не являлась острой и мучительной. Трудным был вопрос, где взять деньги для его приобретения. Но ему помог случай...

Шкаф перенесли на склад магазина. К директору явился участковый инспектор, получивший информацию от своей местной агентуры, что увезенный шкаф вернулся в магазин. Инесса Евгеньевна на правах директор магазина сказала, что шкафа нет в магазине. Она откупилась от визитера, понимая, что шкаф надо из магазина немедленно убрать. Она почему-то вспомнила про Родиона, позвонила ему, а сама предложила спрятать в его квартире славянский шкаф. Шкаф, упакованный в полиэтиленовую пленку, замотанный скотчем, прибыл в квартиру Родиона как по щучьему велению, по его

Величественный шкаф предстал перед глазами Родиона, когда его еще не успели отреставрировать. Родион протер его от пыли и мелкого мусора олифой. Дубовый исполин засветился приятным деревянным светом. В это время шкаф вновь заработал, в нем появилось свечение внутри.

Инесса Евгеньевна видела, как притащили, иначе и не скажешь, дубовый стол. Осмотрев стол со всех сторон, она пришла к выводу, что рядом со славянским шкафом он будет отлично смотреться, но будут нужны дубовые стулья того времени. Подобную проблему она проходила и теперь только вызвала к себе Степана Степановича, чтобы его фирма к этому столу выполнила старинные стулья той же эпохи.

Сообразительный Степан Степанович сказал, что стулья надо украсить вензелями славянского шкафа и заодно добавить их к этому слегка простоватому дубовому столу. Ему выплатили задаток за заказ. Посмотрев на Степана Степановича, Инесса Евгеньевна пришла к выводу, что не мешало бы его приодеть, потом решила, что так он целее будет.

Столяр Селедкин сделал копию славянского шкафа: хорошую, добротную копию. Люди ходили вокруг шкафа, открывали двери, естественно, не вызывая свечения внутренних поверхностей дубового гиганта. Все бы ничего, но вновь явился участковый инспектор, пытаясь найти упущения по поводу уничтожения этого шкафа; ему показывали, что шкаф новый, еще стружкой пахнет, а тот все искал вчерашний день.

В дверь вбежал возбужденный Родион, увидев стоящий новый славянский шкаф, закричал истошным голосом:

— Шкаф еще и летает!!!

Выяснилось, что он сбежал от свечения в шкафу, прибежал за помощью, чтобы выкинули из его квартиры шкаф. В открытые двери его квартиры просочилась толпа людей, которая остановилась перед старым шкафом, ничем не примечательным, вполне достойным быть на свалке жизни.

Стоило в комнату войти Родиону, как шкаф ожил. Из шкафа пошло белое свечение, завораживающее своим светом. Люди стояли и не двигались, им казалось, если они сдвинутся с места — произойдет нечто странное.

Первым пришел в себя участковый инспектор:

— Вот он шкаф! А я грешил на директора магазина, а это Родион безобразничает. Родион, где шкаф взял?

— Где? На свалке. Шкаф не успели уничтожить. Тамошние люди его к себе определили.

— Значит так, сейчас дружно его загружаем в машину и везем на свалку! — грозно сказал инспектор, и исчез в белом свечении шкафа.

Люди тихо стали выходить из комнаты.

Остался один Родион. Он сел на кособокий стул:

— А мне что делать? — спросил он у шкафа. — А, надо Анфису позвать, она вернет инспектора, — вспомнил он, как она Платона из этого шкафа высвобождала, но ехать за ней ему не хотелось, а мобильного у него не было...

Грузчики сообщили о новой ситуации Инессе Евгеньевне, о событиях в квартире Родиона. Рисковать собой и Анфисой она не захотела и вызвала Селедкина-младшего. Она дала ему деньги на цифровой фотоаппарат.

Родион Селедкин оказался сообразительным парнем, все сделал, как надо. Он сфотографировал славянский шкаф и выпустил из него инспектора. На их глазах шкаф превратился в полированного красавца. Родион тут же запечатлел его новый облик, шкаф из своих недр на вензеля выпустил позолоту. От такой красоты Родион пришли в такое изумление, что сел на стул, ножки у него подвернулись, и он растянулся перед шкафом.

В этот момент в комнату вошла Анфиса:

— Какой шкаф красивый! Родион, а ты почему с пола на него смотришь?

Парень сидел и боялся вымолвить слово, он в упор не видел Анфису. Перед ним стояла молодая графиня лет семнадцати, в платье с талией под грудью, с локонами: жена Пушкина с известного портрета. Мгновение — и видение исчезло. Родион увидел перед собой девушку и скромный шкаф.

— Родион, что с тобой? Мне показалось, что шкаф был красивым, а он опять стал обычным.

— Анфиса, я тоже это видел. Я запомнил, каким он был! Вероятно, шкаф подсказывает, каким он был. Это видение из прошлого. Его надо реставрировать по его указанию, — необыкновенно спокойно проговорил Родион.

— Отличный вывод, но что-то мне подсказывает: его нельзя перевозить, кто его будет реставрировать? Если к нему подходит реставратор, он выдает радиоактивное излучение, а тебя он хорошо выносит. Родион, приводи своего отца, попытайтесь восстановить шкаф здесь. Материалы и работу оплатят.

Шкаф промолчал, соглашаясь с речью умной женщины. Анфиса подумала о столе, у нее возникла мысль, что славянский шкаф и стол одним человеком созданы: папа Карло у них был один.

— Родион, есть просьба: поставь решетки на окна, металлическую дверь. К тебе привезут стол, твое дело — их охра-

нять, наблюдать, лишних людей не пускать. Все оплачу. Не волнуйся, плачу не из своего кармана, из кармана заказчика.

Инна, пожив у Инессы Евгеньевны, четко осознала, что есть лучшая жизнь, есть красивая одежда и обувь. Она сделала свой вывод. Она стала донимать мать Полину просьбами: купи это, купи то, а не купишь — уйду из дома и не вернусь. Девочка стала меняться вещами с подругами, обменивала свои вещи на чужую одежду, обувь, сумки. Полина не успевала следить за одеждой дочери, то она исчезала, то появлялась. Стоило матери купить для дочери кроссовки за большие для нее деньги, как они через день исчезали, а через неделю появлялись грязные.

Мать их отмывала добела, кроссовки исчезали, а если приходила в дом подруга к Инне — того и гляди что-нибудь прихватит и вынесет. Взрослая женщина от такой чехарды предметов дочери, купленных для нее с большим трудом, порой на последние деньги, стала нервной и взвинченной до предела. Любая подруга дочери стала для нее врагом первой величины. Дом стал адом.

Дочь повадилась гулять по вечерам, перед прогулкой стала требовать деньги на карманные расходы, ведь Инесса Евгеньевна ей давала карманные деньги! Дочь запугивала мать, угрожала ей жалобами отцу, доставала ее по всем статьям.

Мать заболела, сил встать у нее не было, она сказала:

— Я не пойду на работу, мне плохо.

— Ты чего, мать! Мне деньги нужны, а она болеть вздумала!

мала!

Мать дошла до неконтролируемых рыданий, сквозь рыдания дочь продолжала ее обвинять в своей плохой жизни. Мать стала истерически кричать проклятия.

Дочь спокойно сказала:

— Выпей воды, это я из-за тебя боялась дома одна сидеть! Это ты во всем виновата! Не кричи на меня. Ты зачем меня к бабушке посылала? Она меня за косы таскала!

«Было за что», — подумала мать Полина, выпив воду после таблетки, и сказала:

— Инна, сама бери ключи от квартиры, открывай и закрывай дверь за собой.

Дочь ушла гулять, уверенная в своей правоте. Мать полежала, встала, занялась домашними делами, делиться такими событиями ей не хотелось.

Мать Паши тоже почувствовала временное влияние Инессы Евгеньевны, поначалу она радовалась, что сын пожил в достатке, по-человечески, с компьютером в квартире, с отцом пообщался. А сын... Он по возвращении от отца стал унижать мать своим высокомерием, своими новыми знаниями. Говорил ей, что она глупая, ничего в жизни делать не умеет, ничего не понимает.

Паша круто изменился, он излучал презрение в адрес матери, которая не знала, что ей делать. Парень с достоинством носил вещи от Платона и Инессы Евгеньевны и полностью отказывался носить ту одежду, что покупала ему мать.

Сам Степан Степанович, выручив Инессу Евгеньевну от нападения, возвратился в свою холостяцкую берлогу. Он рвался к ней, но понимал, что это невозможно. После нее его не интересовали две его бывшие женщины, он им отдавал деньги на детей, а сам жил достаточно экономно, да и не так много он и получал, чтобы все были счастливы. Поэтому Степан Степанович не мог решить проблемы своих детей на уровне Инессы Евгеньевны — разные у них финансы, разные.

Летом Платон решил поехать в отпуск куда подальше. Он подготовил машину к дальней поездке, взял минимум вещей и продуктов, зашел к Анфисе домой, а зря. На пороге стояли сумки, огромные сумки и гигантский чемодан на колесиках.

— Анфиса, ты куда собралась? — удивленно спросил Платон, рассматривая огромное, по его меркам, количество сумок.

— Платон, я решила поехать с тобой, — устало проговорила Анфиса, подтаскивая в прихожую очередную сумку. — Все надо, там ничего лишнего нет.

— Дорогая моя, ты прекрасно знаешь, что я еду в отпуск на две недели! Куда столько вещей набрала?! Если чего там нет, так вполне можно обойтись! Причем спокойно. А ты весь дом в сумки засунула! Они в машину не влезут!

— Влезут! Дорогой мой, я знаю твою новую машину и ее багажное отделение! Три сумки в ширину, две сумки в длину! Чемодан снизу. Собачку в клетке возьму на колени.

— А собачка откуда? У тебя собачек не было!

— Купила я маленькую трехмесячную собачку, она в домике спит. У нее есть все документы для пересечения границы.

— Нет, в таком случае мне лучше дома остаться, без тебя и твоей новой радости!

— Платон, твое дело — машину вести, я на место шофера сумки не поставлю! Не бойся!

— Успокоила. Я еду в санаторий, там рыбалка в двух озерах, стенды для стрельбы. Что ты там будешь делать?

— Понятно, родной, мне все понятно! Да, я не умею рыбу ловить! Я не люблю стендовую стрельбу, сильно в плечо после выстрела отдает! Буду сидеть на веранде домика и на горы смотреть.

— Ладно, отбери сумки первой необходимости и второй, чтобы знать, что можно оставить дома.

Платон ехал, ехал и вспомнил, что забыл положить в машину удочки, он их вытаскивал для укладки багажа, а удочки хотел сверху положить и забыл.

— Анфиса, я опять забыл удочки у подъезда, надо вернуться домой, что я без них буду делать?

— Платон, удочки бабки домой отнесут, они видели, что мы уезжали, а вернемся назад — дороги не будет.

— Это ты абсолютно права, я вернулся, и все пошло кувырком, а то бы один давно уехал и с удочками.

— Поедем в другое место! Какая разница, куда ехать!

Они остановились в деревне, расположенной у дороги.

Анфиса отказалась спать в машине и показала на приличный домик. Хозяйка предложила им комнату с двумя узкими кроватями, но с большими подушками. Анфиса зашла в горницу и удивленно остановилась: перед ней стояли напольные часы, украшенные янтарями! Платон стоял рядом с ней, не отводя глаз от узкого деревянного шкафа, вверху которого располагался циферблат, выполненный из янтаря. На стрелках часов двигались маленькие янтари.

— Какая прелесть! — выдохнула Анфиса. — Просто чудо, а не часы! Откуда они у вас?

— Так мы тут всегда жили, рядом с дорогой. Прадеду моему за лошадь барин отдал эти часы, вот и стоят здесь, никто им не удивляется, — ответила приветливая хозяйка.

— Вы нам не продадите? — спросил Платон наугад.

— А что, купите? Надоели, черти, громко тикают, гирьки у часов в шкаф уходят, место только занимают эти часы. — сказал подошедший хозяин.

— Купим часы, а собачку оставим вам. Возьмете? — спросила Анфиса и добавила: — Собачка с родословной.

— Возьмем щенка! Он красивый, лапы у него крупные, большая вырастет собака, нам у дороги она не помешает, — ответила хозяйка.

На том и решили.

Утром Анфиса и Платон расстались с добрыми хозяевами, а часы привязали к крыше машины. В санатории Платон

поставил часы в домике. Больше половины вещей, что привезла Анфиса, здесь были не нужны. Два прозрачных озера с рыбой доставляли ей зрительное удовольствие.

Платон периодически сердился на Анфису за забытые дома удочки, а она отвечала, что ей нравятся карпы в пруду, а не на сковородке, что она не любит и не умеет жарить свежую рыбу. Ей понравилось кататься по озеру на бананах. Стендом для стрельбы распоряжалась девушка, она так ловко управлялась с оружием, что Анфиса невольно увлеклась стрельбой. У нее возникло ощущение, что ее, как пулю, вбили в стенд.

В углу комнаты громко тикали янтарные часы. Анфиса посмотрела на часы, ей показалось, что стрелки подмигнули. Она подошла к часам, открыла дверцы, и ей мучительно захотелось взять в руки гирьки. Она дотронулась рукой до тяжелой, металлической гирьки в виде цилиндра. Вторая гирька очень походила на золотой самородок, который когда-то она видела у Степана Степановича.

Двумя руками Анфиса подняла цилиндрическую гирьку, покрутила в руках. Она заметила линию соединения, нажала на гирьку снизу, и гирька в ее руках распалась на две части. Внутри гирьки лежало пожелтевшее письмо.

С большим трудом Анфиса прочитала, что эти часы созданы часовых дел мастером по заказу графа Орлова в 1770 году или нечто очень похожее. «Это же экспонат для музея Чесменской битвы», — подумала Анфиса, но сообщить о своей

находке никому не успела. Она сидела на веранде и читала книгу, но прочитать удалось одну страницу, рядом с ней как из-под земли возник привлекательный мужчина в костюме неопределенного цвета — Самсон. Она смутно вспомнила его в своей жизни, но тогда он появился рядом с ней сказочным образом. А когда-то она в шутку придумала ему родословную.

— Анфиса, мне известно, что вы с Платоном купили янтарные часы в придорожной деревне. Было это или нет? Где янтарные часы?

— Откуда Вы о них знаете?

— Я знаю о тебе достаточно много. Где часы? Они принадлежат моим предкам! Прошу их вернуть законному владельцу, то есть мне! Вы купили часы у моих родителей!

— Ваши доказательства, господин Самсон? Почему часы Ваши?

— Я — правнук графа Орлова!

— А причем здесь граф? На часах этого не написано! Тем более что Вашу биографию я придумала Вам и распечатала ее на принтере!

— Анфиса, Вы что, не знаете, что у Вас часы графа Орлова? Значит, Вы признаете, что часы у Вас?

— Часов у меня нет! Мы их подарили, а кому — неважно.

— Ха! Не верю! Я слышу тиканье часов! Они мои!

Анфиса промолчала, спорить с человеком, у которого за плечами маячили два черных крыла в виде дружков в чер-

ных костюмах, она не пыталась, просто кивнула головой в знак согласия. Ее очень удивило, как основательно человек вжился в придуманную для него биографию предков. Самсон стремительным шагом вошел в домик. Анфиса побежала впереди него.

— Что-то забыли? — с непонятной тревогой спросила Анфиса.

— Да, по нашим точным данным у Вас есть мои янтарные часы, хотелось бы их вернуть истинному владельцу!

— Вы умный человек, у меня есть янтарные часы, но они принадлежат лично мне!

— Были Ваши — станут наши, сударыня!

Анфиса кивнула головой и захотела позвать Платона, но ее руку резко опустили. Они прошли из прихожей в комнату, этот момент заметил Платон, выглянувший из кухни. Он оценил ситуацию правильно и понял, что идут за часами. Пистолета у него никогда не было, но отдавать часы, в которые он уже вселялся по воле мистики, ему не хотелось. Часы стали для него родными.

Платон подмигнул часам и Анфисе. Она благодарно на него посмотрела, словно пыталась ему передать силы на борьбу за янтарные часы. Платон понял и резко направил правую руку в скулу господина Самсона с криком:

— Ты чего к моей бабе прицепился? Хвощ в костюме! Прочь из моего дома!

Два дружка вынырнули из-за плеч падающего хозяина.

Платон двумя кулаками снизу отбросил их на лестничную площадку, захлопнув дверь, успев поцеловать щеку Анфисы.

— Спасибо, Платон! А такой приличный господин, наследник графа Орлова.

Самсон с дружками вышел на улицу. На следующий день Анфиса и Самсон поговорили без свидетелей на другом берегу озера и пришли к соглашению сторон. Смысл соглашения состоял в том, что Самсон ничего у Анфисы не отбирает, на нее не претендует, но при необходимости оказывает ей финансовую помощь за подбор стариной мебели.

Отношения Платона с Анфисой с каждым днем становились прочнее. Платон больше не бегал к матери на обед или ужин, ее квартира была заполнена людьми, и он все чаще готовил сам на кухне, если Анфиса зачитывалась очередной книгой. Иногда Платон поднимал крышку глазка в двери и провожал взглядом новое семейство своей матери, после чего еще надежнее оседал рядом с женой.

В комнату ворвался Платон:

— Анфиса, чем страдаешь? Есть мысль! Вся наша мистическая афера началась с часов! Мысль улавливаешь? Надо выпустить эффектные часы для мистических сеансов, а продать их экстрасенсам! — быстро прокричал он.

— Отлично, Платон! Но мы специализируемся не на часах!

— Скучная ты, так придумай жесткую мебель для перехода людей в экзотическое состояние. Полина бы меня поняла.

Лучше бы он этого не говорил, в Анфисе появилась двойная ревность к Полине.

— Степан Степанович, поговори с Полиной. — сказала Анфиса и вышла из комнаты на кухню.

— Я — Платон, ты забыла? — крикнул он ей вслед.

Анфиса не ответила, ревнуя его к Полине, второй жене Степана Степановича, она поняла, что она его любит!

— Анфиса, соглашайся на диван со мной. — сказал мужчина, подхватив ее на руки, и, сверкая белыми зубами, он перенес ее в комнату, где стояли янтарные часы, очень похожие на те, что когда-то они купили в деревне у дороги.

— Вот так и рождаются легенды. — сказала Анфиса.

Что было дальше? Что-то необычайно приятное. Но любое приятное чувство иногда надоедает. В такие минуты Степан Степанович уходил от Инессы Евгеньевны, а Платон уходил от Анфисы, но ненадолго.

В дверь позвонили. Естественно, за дверью квартиры стоял Платон.

— Анфиса, не гони! Можно я к тебе пройду в комнату?

— Платон, ты один вполне войдешь в эту комнату, но за тобой придут твои друзья. Тесно станет.

— Не издевайся, — пробасил Платон, поднял Анфису на руки и вместе с ней прошел в маленькую квартиру.

— Выпусти меня! Не люблю я, когда меня поднимают! Отпусти!!! — закричала Анфиса в крепких руках мужчины.

Платон осторожно опустил Анфису на пол со словами:

— У меня есть идея! Ты будешь жить на кухне, а я — в комнате с часами. Все на местах! Не хочу я жить в домике с мужиками!

— сказать, что у тебя нет совести — это ничего не сказать, — зло процедила Анфиса. — Ты что думаешь, мне легко было переехать из квартиры в эту маленькую квартиру?!

— Тебе меня не выгнать! Я большой! Я весь тут! А что это за архитектурные часы стоят? Откуда такое старье в моей комнате? Выноси! Я могу и новые шкафчики сделать. Мне не нравится их громкое тиканье на моей территории! Останови часы! — нарочито раскричался Платон, словно он выпил немного для храбрости.

Дух янтарных часов очень обиделся за себя и добрую хозяйку, он подсветил янтарь на циферблате, и часы засветились. Вскоре заискрились и стрелки на часах. Анфиса посмотрела на часы и поняла, что в них живет дух времени. Она прекрасно знала, что многие предметы старины дышат своим временем.

— Чего это часы ожили? — спросил Платон у пространства.

Второй раз на него часы обиделись, дух часов дыхнул на Платона, и его душа вселилась в янтарные часы. Тело Платона приобрело внутреннюю оболочку шкафа, его мозги стали часовым механизмом.

Комната вновь была полностью в распоряжении Анфисы. Платон растворился в часах, словно его и не было.

— Платон, ты в часах? Пошевели стрелками, если меня слышишь! — весело воскликнула Анфиса.

Стрелки на часах пошевелились и пошли обычным путем.

— Вот до чего тебя жадность довела, часами стал.

Часы подмигнули ей янтарной единичкой.

— Платон, если в тебя магнитофон вставить, тогда нормально будешь мне говорить, о чем часы думают.

После рождения ребенка Анфиса пришла к Инессе Евгеньевне с одной просьбой: совершить родственный обмен, по которому они переезжают втроем в трехкомнатную квартиру, а она переезжает в однокомнатную квартиру. И все довольны. Обмен состоялся, даже мебелью не менялись, все осталось стоять на своих местах, как и антикварный магазин.

Степан Степанович сидел у Инессы Евгеньевны дома с ее маленьким внуком, заигрывая перед малышом, с тревогой оглядываясь на янтарные часы — подарок Платона. Он не выдержала загадок последних дней, поэтому спросил у Инессы Евгеньевны:

— Инесса Евгеньевна, откуда Вы знаете о тайне стариной мебели?

— Степан Степанович, я давно занимаюсь антикварными предметами мебели, не все из них, но наиболее ценные экспонаты хранят в себе дух прошлого, и к нему надо относиться с большим почтением, вот и вся тайна, — и она ласково погладила стенку славянского шкафа.

Степана Степановича как подменили, он стал нежным,

услужливым, почтительным к семье и мебели Инессы Евгеньевны и перестал употреблять негативные слова.

Инесса Евгеньевна купила себе новую квартиру, но о ней даже Степану Степановичу ничего не сказала. Последнее время она боялась всего и всех. А он, потеряв ее из вида, посмотрев на себя в большое зеркало в магазине, решил присмотреть за Анфисой. Он хорошо знал, где она гуляет с коляской, и просто хотел ее дождаться, когда она выйдет гулять с ребенком, а там будь что будет!

Вместо Анфисы в подъезд вошла продавец Леночка, вскоре она вышла с Платоном и они, спокойно держась за руки, как влюбленные, прошли недалеко от Степана Степановича, который успел прикрыть лицо газетой, а одежда на нем была для них незнакомой.

Степан Степанович решил заглянуть к Инессе Евгеньевне, но в ее квартире оказался Родион, он что-то чинил в квартире. На вопрос о хозяйке он ответил, что она переехала, а на вопрос, где Анфиса с ребенком, он не знал ответа. В большой соседней квартире дверь никто не открывал, там никого не было.

Степан Степанович вернулся к Родиону, обхватил свою большую голову руками и зычно закричал в пространство:

— Где Анфиса?!

— Степан Степанович, чего кричишь? Она уехала на открытие музея, — вспомнил Родион, — потом к ним приехали мужики и увезли к ней ребенка, мне слышно было сквозь

дверь.

— А Инесса Евгеньевна знает?

— Мне неизвестно, кто и что из них знает. Я не знаю, где она живет теперь.

Мобильный телефон запищал кнопочками в руках Степана Степановича:

— Инесса Евгеньевна, где ты? Где Анфиса с ребенком? Я сижу у Родиона. Она точно не в музее, а Платон спокойно с Леной ходит.

— Почти поняла. Где я — не скажу. Я не хочу тебе свою квартиру показывать во избежание наезда твоих детей. Где Анфиса? О, это тайна. Дальше сам соображай, тема сия для меня неприятная, да и тебе ко мне ехать нет необходимости.

Степан Степанович сжал в руке мобильный телефон, он хрустнул, впиваясь осколками пластмассы в руку. Родион побежал за йодом, а Степан Степанович с ревом вылетел из квартиры, бросив на пол окровавленные осколки телефона. Он бежал широкими шагами домой, вытаскивая куски пластмассы из ладони. Дома он промыл раны, выпил таблетки, что под руку попались, и лег спать.

На следующий день Анфиса встретила Платона, который возвращался от Лены. Они дошли с детской коляской до местного пляжа. У пруда в вечерних лучах солнца лежали несколько человек. Две девушки привлекли всеобщее внимание. На одной из них были только маленькие трусики, а открытые для публики груди свободно волновались от ее ды-

ханья.

В трех шагах от них на скамейке сидел молодой мужчина и тянул пиво из банки, не отрывая глаз от доступных взгляду грудей. Платон от того зрелища почувствовал пробуждение своих желаний, он готов был оторваться от Анфисы и ринуться к доступным грудям.

Она это почувствовала и просто сказала:

— Платон, идем в твой номер в гостинице, ко мне домой нельзя. Твоя мать может вернуться. Она знает, что ты к Лене ушел.

— Анфиса, а как же малыш? Ему надо есть, а в гостинице нет детского питания.

— Да не волнуйся ты, у меня вновь появилось молоко.

— Но оно ведь кончилось?

— Не кончилось, а несколько дней его действительно было мало, а сейчас вполне хватит покормить нашего сына, если ты молоко не съешь за него.

— Не съем, оставлю ребенку. Жаль, что я потратился на эту Лену, теперь у меня в городе нет квартиры. Ладно, пойдем в мой номер в гостинице, это здесь рядом.

Они поцеловались, проходя мимо пляжа, унося импульсы любви. Ребенок спал, его оставили спать в коляске. Платон и Анфиса, приняв душ, вступили в новую фазу своей любви. Платон отодвинулся от Анфисы и спросил, глядя в гостиничный потолок:

— Анфиса, у тебя была однокомнатная квартира, она еще

есть? Мне этот номер в гостинице обходится в копеечку.

— Тяжелый случай. После рождения малыша мы с тобой из моей однокомнатной квартиры переехали в трехкомнатную квартиру Инессы Евгеньевны. А она, скрипя зубами, переехала в нашу квартиру. Дальше — хуже. Мою квартиру она отдала Родиону, его квартиру забрала для реставрационной мастерской, так как она находится на первом этаже, а себе она купила двухкомнатную квартиру в новостройке. Вот и все!

— Слушай, а чего я тут с тобой время трачу, если у тебя квартиры нет? Шла бы ты домой, раз у нас на троих теперь трехкомнатная квартира, в которой я не живу!

— А у нас с тобой сын, ты забыл?

— Но у тебя нет ничего, ведь квартира у нас общая!

— У меня есть наш сын.

— Так забирай его и дуй к себе домой!

— Как знаешь, но ты отец ребенка! — сказала Анфиса, покормила грудью проснувшегося в коляске малыша и вышла на улицу.

Темнело, тополиный пух притаился среди травы.

Глава 5

Анфиса с помощью случайного помощника поставила коляску с малышом в автобус и поехала домой. Пока она ехала на автобусе, Платон приехал домой на такси. Платон с Роди-

оном сидели в креслах рядом с мраморным столом, они пили пиво.

— Платон, вон она, приехала, — вскричал Родион и пошел в соседнюю квартиру.

Платон поцеловал Анфису как ни в чем небывало. Жизнь есть жизнь. Невостребованная любовь Платона требовала выхода. Ребенок спал. Пришлось Анфисе выполнить супружеский долг. Долг есть долг.

Все это так

, но для дополнительного заработка Анфисе нужна была вновь рассада для мистики на новую мебель. Это понимали все, кто с ней работал. Где взять мистическую рассаду? И главное, что взять? Ясно одно — это должно быть дерево. Анфиса не могла послать Родиона далеко и надолго.

Анфисе повезло. Позвонил молодой человек и спросил:

— Вы берете ларцы двухсотлетней давности? Или его надо сдать в другое место? У меня прабабка умерла.

— Размер большой у ларца?

— 300х200х300, он с выступающей крышкой.

— Привозите! — с надрывом сказала Анфиса, боясь, что ларец отдадут кому-то другому.

Приехал симпатичный парень, поставил на стол ларец. Анфиса решила, что ларец настоящий, ему лет триста, или ей так хотелось думать. Деньги она заплатила, чтобы случайно парень не забрал ларец назад. После его ухода она открыла ларец и чуть не закричала от обиды: внутри ларец был

выполнен из свежего дерева, и, как насмешка, в нем лежали деревянные бусы!

Бусы на самом деле оказались старые и деревянные. Анфиса еще раз осмотрела ларец и поняла, что его термическими циклами снаружи искусственно состарили, это значит, что кто-то парня надоумил на такой поступок. И этот кто-то из числа их общих знакомых. А вот бусы? Что если они тоже состарены? Бусы Анфиса отдала на экспертизу. Получила ответ: бусам лет 150. Надо было проверить их на мистичность. Анфиса вызвала знакомого экстрасенса. Тот запустил свой стеклянный шар. Шар умудрился поговорить с деревянными шарами, ответ был тот же: 150 лет, и бусы обладают свойством мистификации.

Бусинок диаметром в 15 миллиметров было девять штук, этого вполне достаточно для комплекта мебели. На этот комплект руку наложил экстрасенс, он не захотел бусы выпускать из своих рук. А Анфиса без мебели, в которую бусы заточат, продавать их ни за какие деньги не собиралась. Они договорились о том, какая мебель нужна в данном случае.

Ленивое воскресенье подходило к концу. Анфиса покрасила волосы в парикмахерской, сидя под панамой из киселя с дырочками. На ее голове в волосах возникли перышки в виде лапши. Дома она больше смотрела в зеркало, чем на телеэкран, разглядывая новую прическу, или переключала программы, но во всех программах встречала комоды. «У них что, сегодня день комода?» — подумала она недовольно.

Запиликал мобильный телефон, басистый голос Платона что-то стал говорить, но Анфиса уловила одно слово — комод.

— Платон, что за комод? О чем ты говоришь?

— Анфиса, мои знакомые ездили на похороны своего с деда, ему было 90 лет. В комнате деда обнаружили весьма занимательный комод. Я предлагаю комод передать в твою коллекцию.

— Комод с барельефом, а в уголках — янтарь?

— Откуда ты узнала? Они тебе звонили?

— Нет! День складывается, как пасьянс. Платон, ты очень вовремя позвонил. Когда, говоришь, комод привезут?

— Да хоть сейчас.

— А ты что, не знаешь, куда везти? Бери наследников под руки и вези их вместе с комодом.

— Одеваюсь и выезжаю.

Анфиса заплатила наследникам комода наличными за очередной подарок судьбы. В квартире вместе с комодом остались Анфиса и Платон. Они осмотрели приобретенное сокровище, без слов понимая друг друга. Анфиса поймала себя на мысли, что Платон ее волнует больше, чем комод. Дерево — оно и есть дерево, а человек не дерево. Он тоже это почувствовал — невидимые биотоки любви.

В квартире стоял убогий диванчик. Анфиса и Платон одновременно сели на диван и стали смотреть на комод. С первого взгляда было заметно, что он сильно испорчен време-

нем, но отреставрировать его вполне было можно.

— Платон, как ты думаешь, а чувства можно отреставрировать?

Я почувствовала себя старым комодом. День такой сегодня, даже эта старая развалина с остатками янтаря меня не радует, все мне надоело! Мы с тобой родились под знаком Льва! Янтарь — наш камень! Я ношу бусы из янтаря, у тебя брелоки янтарные! Теперь еще комод с каплями древесной смолы.

— Да ты что? Нам мать за этот комод больше отвалит раз в десять — после реставрации, конечно.

— Платон, все так запутано, что этот комод мне продавать не хочется.

— Оставь себе или просто поставь в антикварный магазин на продажу.

— О, ты мне уже и советы даешь! Кто из нас начальник?

— Мало ли кто начальник?! Я мужчина, а ты женщина!

— Мне нравится твой ответ, как бы из него пользу извлечь? Ты не знаешь? А, скажем, что комод с янтарями от сглаза помогает.

— Что тут знать? Какой сглаз?! Ты — баба! Я — мужик! Ты одна. Я вообще один. Ты сюда прямо из ванны приехала, волосы рассыпчатые, чистенькие, даже влажные, ты вся такая!

— Красиво говоришь, да здесь удобства относительные. А янтарь как оберег для человека.

— Какие нам нужны удобства? Мы ж на диване сидим! Старый он, но нас выдержит, а янтарь нам посветит вместо солнца.

— Ты чего это мне предлагаешь?

— Ничего не предлагаю, — обиделся Платон. — Рядом с нами нет бугая Степана Степановича, я и обрадовался.

— Есть хороший специалист Селедкин, пригласи его комод отреставрировать. Деньги на комоде уже лежат.

— Заметил. Мои услуги оплатишь? За доставку антикварной продукции!

— Наличными? Ты мой человек и за свою работу зарплату получаешь. Лучше возьми ключи, привези сюда реставратора, он сам все знает, что делать.

— Ящики открывать будем? — не дожидаясь ответа, Платон встал и поставил комод под старую люстру. Он обошел его со всех сторон, открыл ящики — чудес не было.

Анфиса посмотрела на Платона, потом на открытые ящики комода, встала, подошла к комоду, достала маленькую бутылочку, на ней виднелась надпись: «Пихтовое масло». Она взяла бутылочку в руки:

— А говоришь, ничего нет, а здесь такое сокровище! От чужого деда осталось наследство.

— Выброси! Зачем оно нужно?! Я не пойму: откуда тебя знают старики и старушки и присылают тебе старую мебель с янтарями?

— Смотри, какая упаковка! Маслом еще можно пользо-

ваться. А что касается мебели, так это моя бабушка обзвонила своих старых знакомых, после того как увидела янтарные часы. А божьи одуванчики почему-то Богу душу отдают вместе со своим сокровищем.

Анфиса резким движением раскрыла диван, успев заметить, что внутри дивана лежит чистая простынь. Вторым движением она постелила ее на диван.

— Прошу, Платон, все готово для испытания наследства, скорее, его приложения.

Анфиса легла на край дивана и стала смотреть на комод, ей показалось, что старый дед вселился в комод и подмигивает ей. Платон одним движением залетел на диван, на нем сверкал металлическими украшениями кожаный широкий ремень...

Жена погладила ремень мужа:

— Хорошее у тебя укрепление, снять его можно? Или сложно?

— Да и ты в каркасе, вон какая у тебя талия обтянутая! До тебя не добраться, и потом, вокруг тебя столько мужиков, что страшно.

— Не обижай, это летнее платье, сейчас все ткани тянутся, — и она потянула замок молнии на платье вниз. — Что касается мужиков, так ты у меня один, а остальные — партнеры по бизнесу, которых постоянно прибирает к своим рукам кузина Полина.

Платон снял ремень. Они механически каждый сам с себя

снимали одежду и складывали со своей стороны дивана. Они еще не верили сами себе, еще все казалось большой шуткой. Анфиса протянула Платону пихтовое масло, пальцами показала, как им надо пользоваться, он послушался. Он умел играть на гитаре, надо было свои способности использовать в жизни: его тонкие пальцы, смазанные маслом, изобразили на мгновение игру на гитаре, больше этого не требовалось. Он взлетел на чистое тело Анфисы, такое живое, такое притягательное, такое нежное, такое готовое к нему, что он потонул в нем с замиранием сердца... Комод стоял понуро, о нем просто забыли.

Не успела Анфиса соскучиться по проблемам, как в трубке телефона услышала дребезжащий голос старушки:

— Это квартира коллекционера изделий из янтаря? Вы госпожа хранительница? У меня к Вам есть дело. Я называю свой адрес, Вы приезжайте одна, поговорим. Мой старый дом находится в старой части столицы. Не обессудьте, но быстрее приезжайте, пожалуйста.

Анфиса умела ценить звонки, она записала адрес, потом посмотрела по карте, где находится дом старушки. Она села за руль своей машины и поехала в старый район столицы. Ее встретила маленькая, сухонькая старушка, возраст ее был в таком тумане, что определять его Анфиса не стала. Старушка провела ее в комнату, в которой царил старый вишневый бархат.

— Госпожа хранительница, Вы садитесь в кресло, я Вам

все поведаю. Дело в том, что мой конец не за горами, и на мои похороны деньги спрятаны в этой комнате. Мое богатство не в деньгах и не в золоте. Когда-то весь этот дом принадлежал моей семье, но Вы сами знаете: революция, война и годы лишений прошли по этому дому. У меня осталась эта маленькая комната. Не смотрите, Вы ничего не увидите, меня столько раз пытались ограбить, что на первый взгляд здесь взять нечего. Не смотрите на меня с таким удивлением, а посмотрите на эту тумбочку под телевизором. Что Вы видите? Фанерный ящик? Правильно. Эту старую фанеру надо осторожно снять, под ней будет то, зачем я Вас пригласила! Вы мне дайте деньги, я Вам дам эту драгоценность. Сами не пытайтесь снять фанеру, не получится, тут нужны мужские руки, а теперь можете вызвать помощника, — старушка замолчала, сжалась в своем кресле в маленький комочек нервов.

Анфиса хотела позвонить Самсону, с которым наладила отношения, и сразу отдать ему его семейную реликвию. Потом она подумала, что он едва ли расплатится со старушкой, поскольку с ним она заключила договор по другому поводу. Она набрала номер Родиона. Сообразительный мужчина, прихватив необходимые инструменты, довольно скоро появился перед двумя дамами разных эпох. Он ловко снял фанеру с некоего предмета, покрытого мусором, который сыпался на него десятилетиями сквозь щели между листами фанеры.

Старушка приободрилась, сама подала тряпку, дабы смести мусорный налет с ее драгоценного предмета старины. Перед глазами очевидцев появилась конторка с ящичками и небольшим секретером. Цепкий взгляд Анфисы определил, как минимум восемнадцатый век и необыкновенное качество изделия. Интересно, что в завитках по периметру изделия поблескивал янтарь.

Анфиса уже ничему не удивлялась. Получилось, что проснулась мебель с янтарями, и один предмет за другим потянулся к ней. Она немедленно рассчиталась со старушкой. Старушка в ответ гордо наклонила голову и тут же величественно откинула ее назад.

Конторку отвезли в логово Родиона, там предстояло восстановить предмет старины. Анфиса сидела на стуле, а Родион открывал ящички секретера перед ее глазами. Один ящик не открылся, он помудрил в замке инструментами и отрыл последний ящик. Они наклонились над содержимым маленького ящичка и увидели небольшую шкатулку с навесным замком.

Родион, открыв замок, обнаружил внутри футляр. В футляре лежал широкий золотой браслет с янтарями. Браслет был так красиво выполнен, да еще на него накладывалось пара столетий, что цена его было неизмеримо больше, чем стоили материалы, из которых он был выполнен. Родион протянул Анфисе футляр с браслетом. Она отдала ему аванс на оформление реставрационных работ и поехала к старушке.

Старушка сидела в кресле, она даже дверь не закрыла. Анфиса подошла к ней. Старушка была мертва, ее рука так и осталась в том положении, в каком она брала деньги из руки Анфисы, но денег в руке старушки не было! Телевизор стоял на полу, да и где ему стоять, если тумбу из-под него вывезли!

— Руки! — крикнули за спиной.

Анфиса почувствовала твердый предмет, упирающийся ей в спину. Она подняла руки, дамская сумочка повисла у нее на руке, но по опыту своей жизни, она много денег с собой не носила. Липкие руки сорвали с нее сумочку, порылись в ней и вытолкнули ее с пустой сумкой за дверь.

— Нет, тетка! Ты ничего не видела, бери свою пустую сумку и тикай подальше!

Анфиса выбежала из дома, прошла десять шагов, села в машину. Мотор завелся. Машина медленно двинулась с места. Анфиса нащупала янтарный браслет, завернутый в платок. Пустой футляр лежал в сумке. Она заглянула в сумку, но футляра в ней не было...

О, как красив был любимый клен! Он цвел золотой листвой с багровой верхушкой. И такая красота длилась три недели, пока Полина ждала, что Степан Степанович вспомнит о ней. Не вспомнил. Осыпались чувства сотрудничества, как листва с деревьев. Полине надо было искать новую работу. Сеть туманно намекала, что работы полно, но не все звонки получались, некоторые телефоны молчали. Пруд уходил в прошлое.

Виктор Сидорович жил с женой Эммой, не пытаясь менять судьбу. С годами она стала его правой рукой в делах гостиницы. Он несколько обленился, иногда он приезжал в загородный дом и сидел у озера в кресле. В последний свой приезд на озеро с лебедями Виктор Сидорович заметил, что его администратор Полина в свой личный отпуск работает на даче его племянника Самсона.

На работе Виктор Сидорович вел себя весьма сдержанно и на сотрудниц внимания не обращал, ведь рядом с ним всегда была Эмма, а сюда она дороги не знала. Он невольно стал наблюдать за Полиной, других женщин здесь не было. Поваром работал пожилой мужчина. Охранником был крупный молодой мужчина. Полина часто ходила в коротких брюках и кофточках с воротником. На блузках рукава были разной длины, но белый воротник словно прирос к ее шее. Иногда ее руки были видны до самого воротничка, но он оставался на месте.

Полина постоянно существовала в своей нехитрой работе, требующей физического труда, чтобы содержать большой дом в порядке. Не выдержал он ее голых плеч, выступающих рядом с воротничком. Его руки сами потянулись потрогать эту чистую, шелковистую кожу.

— Виктор Сидорович, что с Вами? — возмутилась Полина.

— Слепень сел, я его прогнал.

— Ох уж эти слепни! Здесь говорят, что комаров у озера

потравили вовремя, поэтому их и нет, а слепни остались, да еще мухи чужие залетают. Вы держите в руках что-нибудь, чтобы их отгонять от себя. — сказала Полина, вымыв пол на веранде — любимом месте отдыха Виктора Сидоровича.

Никогда не знаешь, где объявится ангел любви, а он облюбовал дачу с лебедями. Хитрый ангел поселился в душе хозяина дачи и городской гостиницы Виктора Сидоровича, уже давно в нем чувства не возникали, а тут он не на шутку увлекся Полиной, второй гражданской женой Степана Степановича и своей горничной по совместительству. Она первую неделю много хлопотала по хозяйству, все убирала на свой вкус, но через неделю у нее стало появляться свободное время.

Солнце светило исправно на маленький земельный участок внутри высокого забора. Полина после трудов праведных надела купальник, взяла раскладушку, поставила ее у озера и легла загорать. Виктор Сидорович из своей беседки видел край этой раскладушки. Полину скрывал куст сирени. Он встал и почти на цыпочках подошел к молодой женщине и двумя пальцами с двух сторон нажал ей под ребра. Она вскочила, вскрикнула, но, посмотрев на довольного Виктора Сидоровича, улыбнулась.

— Вам скучно, Виктор Сидорович? — спросила Полина.

— А ты как думаешь? Поговорить не с кем, а ты вся в работе.

— Так меня сюда взяли поработать.

— Полина, а ты не догадываешься, что тебя пригласили для меня? Не сопоставляла факты нашего присутствия на этой даче?

— Когда? Мне сказали убирать — я убираю.

— А если я скажу тебе любить — ты будешь меня любить?

— Как скажете, Виктор Сидорович.

— Ты такая покорная?

— Так подчиненные всегда влюблены в своего хозяина, а я у Вас давно работаю, значит, давно Вас и люблю...

— Что ж ты молчала? Мне поговорить не с кем, а тут любовь моя пропадает! Где встретимся? Ты лучше меня знаешь комнаты в этом доме, и они на месяц в нашем распоряжении. Жаль, что неделю мы потеряли. Куда вино принести?

— Вы не шутите? А завтра меня возьмете и уволите!

— Полина, я приглашаю тебя на романтическое свидание без свидетелей! Говори, где здесь лучшая спальня?

— Лучше Вы ко мне придете.

— А почему не ты ко мне?

— У меня надежнее. Жду Вас вечером после ужина.

— Разумно, я приду...

Виктор Сидорович давно жил праведной жизнью, он уже и забыл, какая она — любовь без жены. Красивый мужчина с густой шевелюрой наполовину седых волос появился на пороге спальной комнаты Полины. Он был несколько обескуражен простым убранством ее комнаты. У него в комнате все было в стиле люкс, а у нее словно свалка старых вещей

далеко не антикварного вида. Среди этого мебельного хлама сидела приятная женщина в платье с белым воротником и в белых босоножках на босых ногах. Его чувства попали в состояние облома, не по приколу хозяину любить служанку в нищих условиях.

— Полина, перейдем в холл, там приятнее и вид из окна лучше.

Так ангел любви куда-то улетел.

Полина, выпив вина в присутствии Виктора Сидоровича, почувствовала, что она человек. Ей импонировало его внимание, рядом с ним ей приятно было находиться. Она перестала себя чувствовать горничной, душа ее возвысилась до уровня собеседника, и она спокойно отстегнула белый воротник со своего платья. Невольно женщина потянула молнию на платье до груди, маленькая золотая цепочка лучше подходила к моменту их общения.

Виктор Сидорович и Полина вышли из-за стола и, не сговариваясь, направились к его спальне. Обстановка полностью соответствовала моменту. Оба они были высокие и в меру стройные, остановились они у кровати и обнялись в порыве проснувшихся чувств. Редкое единство взглядов привело их в душ. Они стояли под струями воды, улыбаясь, словно смывали с себя прикосновения прошлой жизни. Ей доставляло удовольствие касаться его тела в струях прохладной воды.

Он с внезапным желанием и с большим удовольствием

ощущал новые, волнующие импульсы в своем теле, о которых в последнее время подзабыл. Они вытерли друг друга полотенцами, не касаясь себя, словно их души уже переселились в любимые тела. Так и дошли они до кровати. Желание, страсть, влечение, прикосновение, поцелуи, объятия воссоединили их требующие любви тела. Они поплыли по воле волн царственного желания любви.

Платон сделал так, что новые звонки с предложениями антикварной мебели поступали к нему. Он наклеивал на мебель янтарные камни, после этого заказ поступал к Анфисе. Вот откуда взялась в разных местах мебель с янтарями Платон скупил все янтарные бусы в городе и заказал их за его пределами. А Анфиса верила в чудеса. Только первые предметы мебели были янтарными на самом деле, да еще конторка.

В каждом деле важен результат. И вновь стоял готовый к продаже трельяж с янтарями, а Платон услышал очередное предложение от неких наследников. Ему предлагали шкаф-шарманку, естественно, без янтаря, а у него весь запас кончился, хоть объявление давай: скупаю янтарь.

Если мебель была без янтаря, то она попадала на реставрационные работы в магазин, а если на ней находился хоть один янтарь, то она попадала к отцу Степан Степановича Селедкина. Вот в чем состоял прикол и бизнес, хотя второго случая судьба не предоставила.

Виктор Сидорович от Полины, кузины Анфисы, узнал о

готовом трельяже с янтарями и немедленно появился перед очами Анфисы. Она мысленно обругала Полину, так ей не хотелось с трельяжем расставаться, но клиент есть клиент. Вслух Анфиса сказала, что такой предмет интерьера для продажи готов, в голове у нее промелькнула любовь с Платоном.

Анфиса вспомнила про Леночку, та в последнее время стала такой модной женщиной, что не грех ее представить дорогому клиенту. Леночка поехала показывать товар лицом господину Виктору Сидоровичу. Трельяж с деревянными вензелями в тон часам и с янтарями в лунках вензелей светился в комнате Родиона.

Виктор Сидорович как увидел это сокровище, так и присел на распахнутый диван. Леночка подошла к трельяжу, встала рядом с ним на скрещенных ногах в черных босоножках на шпильках, отделанных крупными стразами по вырезу и по широкой застежке, расположенной в узкой части точеных ног. Белые бриджи и черный топик, украшенный такими же стразами по воротнику на шее, завершали летний наряд девушки. Белые волосы крупными волнами опускались на молодую грудь нерожавшей женщины. Ее грудь полностью скрывал топик, оголяя руки и плечи.

Виктор Сидорович смотрел то на солнечный трельяж, то на томную Леночку в летнем наряде, купленном на его деньги, о чем они и не догадывались. Под руку меценату попался маленький флакончик, мельком посмотрев на надпись, он

прочитал: «Пихтовое масло». Он осмотрел диван, на котором сидел, и заметил в углу простынь. На окнах сквозь офисные прямые жалюзи просвечивала решетка.

Леночка уловила взгляды импозантного мужчины, внешний облик которого превосходил все ее требования к мужчинам, но она продолжала стоять у трельяжа, как статуя. Он забросил флакончик с коварным содержимым в угол комнаты и встал с убогого дивана.

— Я беру этот трельяж, можете возвращаться в магазин.

Из закрытой одеждой груди женщины вырвался вдох сожаления, что такой мужчина так быстро появился и исчез из ее жизни. Трельяж привезли на дачу. Виктор Сидорович пошел в свою комнату, но по дороге заметил Полину, у которой белый воротник вокруг шеи довершал наряд. Он подумал, почему красивые женщины стали прятать от него то, что ему больше всего нравится в их облике?!

Леночка так захотела Виктора Сидоровича, что позвонила любимому Платону и назначила ему встречу у себя дома, ведь его жена Анфиса дома...

А Полина, дойдя до своей комнаты, тут же позвонила Эмме, жене Виктора Сидоровича, чтобы она приехала на дачу к своему благоверному Виктору Сидоровичу. Но его жены дома не оказалось. Горничная меньше всего хотела увеличивать число встреч с хозяином. Один раз прощается, а второй раз запрещается. Ау Полины росла дочь Инна.

Инна в отсутствии матери замечательно третировала ба-

бушку, пропадая или на пляже, или у подруг, или на скамейке в парке с друзьями. Бабушке оставалось смотреть на часы, греть воду, отключенную на летний ремонт, и по возможности молчать. На ее упреки Инна реагировала круто и неожиданно, поэтому бабушка кормила внучку и помалкивала.

После отличной любовной ночи, проведенной с Полиной, Виктор Сидорович предложил ей привезти на дачу Инну. Он прекрасно знал, что еще одна такая ночь ему в ближайшие дни не под силу, и решил упрочить свои отношения с женщиной, сделав приятное предложение ее дочери.

За Инной он сам съездил на машине. Инне на даче очень понравилось, она внесла оживление в местное общество и частенько сидела с Степаном Сидоровичем в его беседке, пока ее мать работала по дому. Она от скуки обошла дачу, заметила странные окна, закрытые ставнями. Инна приоткрыла ставни, за ними были стекла, ажурная металлическая решетка, плотные вишневые портьеры.

Девочка не выдержала любопытства и спросила у матери:

— Мама, что находится в комнате, в которой на окнах есть ставни? В других окнах решеток нет и шторы легкие.

Полина ответила:

— Инна, у меня нет ключей от этой комнаты.

Инна этот же вопрос задала Виктору Сидоровичу. Он ответил:

— В комнате находится семейный музей, который пока еще в стадии подготовки.

Повар ничего не добавил к информации. Зато охранник, которому пришлось заносить в комнату славянский шкаф, сказал, что в комнате находится склад древней мебели. Поговорив с охранником, Инна попросила выпустить ее за ворота, чтобы осмотреть дачный поселок, пообещав ему вернуться через час. Дачный поселок состоял из внушительных заборов с большими новыми домами. Ничего интересного девочка для себя не обнаружила, если не считать машину, выезжающую из чужих ворот. Она попросила довезти ее до города.

Инна оказалась на свободе. Трое суток она гуляла по подругам, потом появилась в квартире отца. Степану Степановичу она рассказала о даче с музеем, который так и не видела, тот сразу понял, куда исчезает вся антикварная мебель в деревянных вензелях. Выпросив у отца денег на жизнь, она пошла к бабушке, у нее и осталась до возвращения Полины с дачи.

Глава 6

Степан Степанович что-то пропустил в этой жизни, все женщины вышли из-под его власти, хоть шаром покати, а никого нет. Инесса Евгеньевна куда-то уехала, исчезла и Полина, не сказав ему ни слова.

Оставалась на месте его первая женщина, мать Паши. На безрыбье и рак рыба, поехал Степан Степанович навестить

мать своего старшего сына.

Удивительная была женщина Зинаида, она всегда спокойно реагировала на отъезды и возвращения блудного Степана Степановича. Паша ухмыльнулся отцу и ушел к другу. Степан Степанович и Зинаида оставались вдвоем, как два старых друга: без большой любви, без эмоций, просто сидели и беседовали. Он оставил ей деньги, но чувства в нем не возникли, словно все давно бурьяном поросло. Косить бурьян чувств было лень. Поговорив немного о Паше, Степан Степанович уехал в свою холостяцкую квартиру. Он решил осуществить задуманное, его безумно тянула Анфиса.

Степан Степанович приоделся и пошел к ее дому в надежде, что она появится с коляской во дворе. На этот раз ему повезло. Первым вышел из подъезда Платон и ушел в сторону дома Леночки. Вскоре появилась Анфиса с детской коляской. Степан Степанович встал перед ней, как Орфей. Он весь лучился силой, желанием и любовью к молодой матери. Анфиса грустно улыбнулась ему и покатила коляску по своему излюбленному маршруту в парке. Степан Степанович пошел рядом. Они разговорились.

В это время к ее подъезду подъехала крутая машина Самсона, он вышел из нее и увидел силуэты Степана Степановича и Анфисы на аллее парка. Драка с могучим Степаном Степановичем в планы его не входила. Самсон подъехал на машине к аллее, вышел навстречу парочке и просто сказал:

— Привет! Степан Степанович, а твоя жена Полина на

даче обслуживает своего начальника Виктора Сидоровича, а вчера они в холле пили вино.

Степан Степанович в лице изменился.

А Самсон продолжал говорить, улыбаясь:

— Если хочешь, я тебя к ней отвезу на свидание.

Откуда он все знал? А, Самсон ведь был племянником Виктора Сидоровича. Что оставалось делать Степану Степановичу? Любовь любовью, но гражданская жена дороже. Он сел в машину, и его повезли к ней на дачу. Он достал из кармана янтарные четки, они помогали ему принимать правильные решения. Он проехал квартал на машине Самсона и попросил шофера остановиться, ему стукнуло в голову, что мешать Полине он не будет, а лучше пойдет домой. Войдя в свой дом, он лег ничком на диван. Проснувшись, на автомате позвонил Анфисе. Она пригласила его к себе в магазин.

Выспавшийся Степан Степанович приехал незамедлительно. Рядом с ним Анфиса чувствовала себя хорошо. С ним было спокойно и надежно работать. А он поделился с ней своей информацией. Она не особо удивилась и сделала предположение: раз есть комод, шкаф, то должны быть еще предметы. Степан Степанович намек понял и предложил предоставить наброски двух древних предметов. Дерево теперь старили до изготовления мебели. Платона они решили не подключать, а все сделать в мебельной фирме Степана Степановича, а янтарь купить в другом городе.

Полина за месяц отмыла все помещения дачи, последней

комнатой был местный музей, ключи от которого она получила в последнюю очередь. В комнате с вишневыми портьерами ей было немного жутко, казалось, что предметы старины были живыми, они светились и подмигивали солнечным янтарями. Она, дрожа всем телом, протирала загадочную мебель, утыканную солнечными камешками. С величайшим наслаждением закрыла она дверь этой комнаты, радуясь, что срок ее работы на даче подошел к концу. Она получила расчет. Виктор Сидорович, уезжающий одновременно с ней, подвез ее до дома, а сам поехал в гостиницу, не заглянув в свою квартиру.

На следующий день на дачу приехала Анфиса, кроме нее там был повар и охранник. Она отметила чистоту, царившую везде в этом современном доме. Она настояла на первоочередном визите в музей. В комнате с закрытыми ставнями, с плотными бархатными портьерами вишневого цвета пришлось включить свет. Мебель была Анфисе вся знакома, она отметила, что размеры комнаты позволяют добавлять в нее предметы, это больше всего ее интересовало.

— Виктор Сидорович, все хорошо, но стены современные, они портят интерьер и общее впечатление. Не лучше ли сделать стены из деревянных панелей, выполненных под старину? И еще: нельзя ли добавить маленькую комнату к музею и собрать две коллекции отдельно: столовую и спальню?

— Анфиса, как ты глобально мыслишь! Я с тобой полностью согласен, но сейчас у меня на это нет свободных

средств, хотя в скором времени они будут непременно.

— Ладно, отделка стен помещений музея за мой счет. Надеюсь, еще одну комнату Вы сюда добавите.

Виктор Сидорович мысленно обрадовался, что правильной дорогой шли его мысли, видимо, Анфисе он очень понравился. Хороший план!

Полина сказала Виктору Сидоровичу, что у них будет ребенок.

— Полина, быть не может! Мне сорок лет! Детей нет! А если это ребенок Степана Степановича? У вас с ним уже есть один общий ребенок!

— А мне всего тридцать лет, и Степана Степановича в моей жизни нет уже два года, он только иногда передает деньги для Инны.

— Что делать будешь?

— И ты спрашиваешь? Я оставляю ребенка, а ты поможешь мне пару первых лет с малышом, дальше я сама проживу.

— О чем речь! Помогу, чем могу! Я теперь стопроцентный мужчина!

Виктор Сидорович тут же сообщил новость своей жене Эмме. Эмма, странное дело, без тени ревности сказала, что ребенку надо помочь родиться и взять его потом себе. Эту новость от своей жены Виктор Сидорович пересказал любовнице Полине.

Полина ответила весьма неожиданно:

— Ребенка кормить грудью буду я, первый год он будет со мной, а вы с ним можете гулять, а дальше будет видно.

— Договорились. Береги себя, будем вместе воспитывать нашего ребенка. Кстати, для Инны я буду перечислять некую сумму денег с сегодняшнего дня.

Полина такого счастья и не ожидала. Степан Степанович, услышав от Полины сенсационную новость, ухом не повел, а только подумал, как хорошо, что он к ней на дачу в машине Степан Степановича не поехал, а то бы ребенка ему приписали.

Поэтому Полина решила заставить Инну сделать селедку под шубой, но девочка сделала вид, что не услышала. Через сутки мать повторила задачу. Дочь разрыдалась. В ответ она услышала вопли матери, перечисляющей ей наказания. Девочка поняла, что лучше пойти и сделать треклятую селедку под шубой. Она еще раз спросила, что надо для этого сварить и сколько.

Инна, дочь Полины, весь день занималась тем же, то есть рекламировала свою молодость. Молодость рекламировать легко. Фото повесила на своей странице — и весь прикол. Люди лезут посмотреть, а кто она такая, Инна, и ничего больше от нее и не требуют. Она и разленилась от собственной молодости. У нее было второе развлечение: она могла три часа подряд с переносной трубкой телефона сидеть на полу, на диване и перемалывать девичьи новости своего района.

Что за фото она поместила? В свои отроческие годы

она надела белые остроносые босоножки на тонких высоких шпильках, с перемычкой в стразах, в капельках стеклянной росы. Новый белый топик в тех же прозрачных каплях на тоненьких лямочках оголял все, кроме нижней части молоденькой груди. Сверху возвышалась пара нежных бугорков, изображающих молодую грудь девушки. Вся она такая. Между майкой и босоножками появлялись либо сильно разорванные джинсы, либо полоска юбки, либо, сами понимаете, махонькие. На фото она в юбке или в джинсах. Она приличная девочка. У нее период увлечения фотографиями. Она фотографирует тремя фотоаппаратами разных версий: и цифровыми, и пленочными. Результат один — везде она либо те, кого она встретила по дороге отрочества.

Вскоре Инна сдавала экзамены в школе. Для учительницы она купила вишневую розу на длинном стебле, поставила в стеклянную тонкую длинную вазу и опрыскала ее блестками. Роза переливалась под светом лампы. А Инна села с ногами на диван, взяла в руки учебник, ручку, тетрадь и стала готовиться к экзамену. У Инны был поклонник со времен детского сада, они учились в одном классе, но мальчик продвинулся вперед. Нет, не в учебе, его снимают в телесериалах, и он говорит ей, что его скоро покажут по ТВ. Он любил показываться на ее глаза. А у нее другие интересы.

Раз в неделю она ходила в настоящий институт и изучала информатику. В начале учебы занятия ее не радовали, ей просто все было уже знакомо, но понемногу новые знания ее

покорили, и на занятия в институт она шла с радостью. Что ее там радовало? Буфет. Рядом находился буфет, в нем гамбургеры продавали, но она скоро поняла, что стала полнеть: между джинсами и блузкой появился жирный животик.

Пришлось Инне сменить гамбургеры на сок. Она предпочитала небольшие коробки с соком, из которых торчали двойные трубки. Животик жирный исчез, но не сразу. Инна пошла на танцы, занималась ими три раза в неделю, плюс диета — и через месяц жирок исчез. Это из-за танцев она собрала свой диван, на котором сидела с ногами и учила уроки. Ей нужен был пол для танцев. Все танцы она многократно повторяла дома. Еще одно у нее обнаружилось увлечение: вслед за певицей, поющей сильным голосом, повторять ее песни. Только появлялись титры фильма «Не родись красивой» и звучала песня, как Инна врубала телевизор на полную мощность. «Не смотри, не смотри ты по сторонам, оставайся такой, как есть...» Стены глохли. Основное увлечение Инны — придумывать то, что ей надо купить, если она сутки ничего не просила, значит, она задумала нечто большое для кошелька взрослых.

Например, ее мама Полина ездила на рынок за вещами и брала с собой Инну для компании. Такие поездки со временем стали приносить больше вещей Инне, чем ее маме. Мама у нее набрала вес, и с каждой поездкой все меньше рыночных вещей на нее можно было надеть. Зато при виде Инны все продавцы, особенно мужчины, расплывались в улыбках

и называли ее всевозможными ласковыми словами и красавицей на всех языках и диалектах.

Зимой ей купили белый комплект: белую шубку, белые сапоги, белую шапочку, белую сумку, белые брюки, белый свитер. Весной ей купили розоватый комплект: курточку, сумку, сапоги и еще кучу вещей. И ее мама, наконец, поняла, что рядом с ней, у нее в доме появилась соперница, и не взяла ее в следующую поездку. Так-то. Ничего, Инна нашла другие способы для расходов взрослых.

А так она смышленая девочка, но лень ей было убирать у себя в комнате, однажды она просто ответила:

— Я не служанка и не буду убирать в квартире.

В большую кастрюлю Инна налила воду, положила в нее пять штук вымытых свекл, две моркови и четыре картофелины. В другую кастрюлю, но меньшего размера, она насыпала соли, налила холодной воды и положила пять яиц. Дальше предстояло самое сложное: разделать селедку, удалив из нее все косточки. Мать показала, как надо разделывать селедку.

Надо сказать, всем нравится разрывать селедку на две части за хвост, тогда все основные косточки скелета сами выходят из селедки. А дальше начинается мука с маленькими косточками, а потом надо разложить мелкие кусочки селедки на блюдо и постепенно покрывать селедку шубой, состоящей из тертых овощей, яиц, майонеза...

В гости к Полине пришел Виктор Сидорович. Мать и дочь ему очень обрадовались, видя в его руках вкусные продукты.

Стол получился праздничным, но настроение в целом было такое, словно приспустили флаг на корабле. Мужчина был озадачен тем, что ему надо разойтись с женой Эммой. Инне пришлось открыть правду, что скоро у нее будет брат или сестра. Девочка в первый момент обрадовалась, а во второй впала в тоску. Возник момент, когда все втроем были готовы разреветься.

Выход нашелся. Полину неожиданно скрутило от боли так, что она сжалась в комочек и выскочила из-за стола. Ее не было долго, когда она появилась, то сказала, что ребенка не будет, не получилось. Виктор Сидорович обхватил рукой свои челюсти, ему казалось, что его зубы все одновременно заболели. Он почувствовал боль в сердце и стал сползать со стула. Полина сама лежала, скорченная от боли и не могла встать.

Инна посмотрела на страдания взрослых и бросилась к телефону, но вместо скорой помощи она позвонила отцу. Степан Степанович был дома и бегом прибежал к ним, благо дома находятся в одном квартале. Его соперник лежал и еле дышал. Степан Степанович достал из своего кармана таблетки от боли в сердце и дал их Виктору Сидоровичу. Потом он подошел к Полине, с которой не жил и не разводился из-за ее криков. Он подержал огромную ладонь на ее животе, и боль из нее стала выходить, словно своей ладонью он ее вытягивал.

Потом он позвонил в гостиницу и вызвал Эмму, не спра-

шивая разрешения у больных. Пока Эмма ехала к ним, Степан Степанович сел за стол и съел всю селедку под шубой, потом позвал дочь Инну прогуляться с ним на свежем воздухе после очередного дождя. Эмма вбежала в квартиру, посмотрела на Виктора Сидоровича, вздохнула, подняла его. Он поднялся с ее помощью и пошел к прежней благополучной жизни. Полина осталась одна, она лежала и смотрела на стол, где не было селедки под шубой, но ей она была больше не нужна.

Виктор Сидорович подарил маленькую породистую собачку Инне. Она взяла ее на руки и больше никому не отдавала, живая игрушка ее вполне устроила. Инна подаренную ей Степаном Сидоровичем собачку привезла ему на дачу. Маленькая собачка обладала звонким лаем, чем очень надоела молодой хозяйке. Собака лаяла в ответ любой собаке, чей лай доносился до квартиры, где она жила. Она лаяла на любой хлопок лифта. Она лаяла ночью, если кто просыпался.

Иногда лаяла просто так, иногда от возмущения, но всегда звонко и пронзительно. Собачка на даче немного боялась простора и лаяла от страха перед большим пространством. Еще она полюбила скулить и лаять под дверями, куда поставили мебель с вырезанными зверями. В остальное время собачка любила стоять рядом с человеком, принимающим пищу. Выпрашивать кусочек недозволенной пищи — это было ее любимым занятием. Есть собачий горох ей меньше всего хотелось...

Освободив себя от собаки, Инна проколола язык, подвесив на него украшение, чем вызвала натуральный гнев своей мамы Полины. Мать от возмущения и ругательств зашлась в крике и долго кричала на Инну. Результатом прокола языка был домашний арест Инны до начала школьных занятий. Свобода закончилась дачным заточением, и Инна вынуждена была общаться с маленькой лающей собакой.

Девочка первая поняла, что собака у музейных дверей лает наиболее звонко, до боли в ушных перепонках. Она сказала об этом Виктору Сидоровичу, тот в шутку или всерьез ответил, что за дверями живет настоящее привидение и тревожит чуткую душу собачки. Инна шутку поняла буквально, она взяла ключи от музейных комнат у матери и одна зашла в смежные комнаты, в которых стояла темная мебель. Девочка села на стул, посмотрела на карнизы мебели, украшенные вырезанными из дерева зверями, она вынуждена была запрокинуть голову, и эта голова у нее медленно закружилась. Она потеряла сознание.

Собачка бродила по даче и скулила, она искала свою маленькую хозяйку, поэтому первая обнаружила приоткрытую дверь в музей. Шустрый носик пролез в приоткрытую дверь, вскоре все здание огласилось звонким, счастливым лаем собаки, нашедшей свою хозяйку. Острые зубки ухватили джинсы и стали дергать их из стороны в сторону, пытаясь заставить девочку посмотреть в ответ, но она молчала, тогда собака залаяла так оглушительно, что на ее зов прибежала

Полина. Она увидела лежащую на стуле дочь, закричала в унисон собаке, взяла дочь на руки, вынесла ее из комнаты, донесла до дивана в холле первого этажа.

На шум подошел Виктор Сидорович.

— Полина, что случилось с Инной?

— Сознание потеряла и в себя не приходит!

— Она таблетки пила?

— Да, она ведь себе язык проколола. Я ее заставила вынуть украшение. Язык мы продезинфицировали, а у нее ангина еще началась, я добавила ей антибиотиков, да еще ее занесло в этот музей!

— Врача вызвать?

— Да не хочется вызывать врача. Мне непонятно, почему она потеряла сознание. Я ее нашла по лаю собаки, в музее на стуле.

— А снотворное ты ей не давала?

— Антибиотики плюс таблетки от аллергии на эти антибиотики и больше ничего, от них она сознание никогда не теряла, слабость могла появиться, но не больше, хотя сонливость не исключается.

— Да спит она! Проснется — посмотрим, что дальше делать, пусть тут спит, я рядом посижу, книгу почитаю.

— Спасибо, Виктор Сидорович, а я музей закрою, ключи от комнаты Инна так в руке и зажала.

Полина вынула из руки дочери ключи и пошла в музейные комнаты. Дверь была открыта настежь. Она заглянула внутрь

комнаты. Женщина свалилась на пол.

Степан в это время сидел рядом с девочкой, он о Полине не беспокоился. Собака дремала рядом с Инной. Виктор Сидорович, вернувшись в город, навестил нового директора антикварного магазина, он решил рассказать ей о мистичности мебели, которую она продает.

Анфиса спросила:

— Виктор Сидорович, родной мой покупатель! Что ли, мы с тобой не знакомы? Чем ты не доволен, скажи.

— А чего говорить, вся твоя мебель с мистическим уклоном получается.

— Так за этот довесок надо бы цену поднимать, мебель настоящая, антикварная!

— Настоящая мебель, говоришь? А человек посмотрит на нее и в обморок падает!

— Знаешь, господин хороший, не нужна мебель — вези назад, куплю.

— Не могу, последний комплект со зверями облюбован духом Самсона и не подпускает никого в комнату.

— Вот это да! Вот это дощечки из тайги!

— Чему радуетесь, не пойму?

— Уникальности изделия.

— Лучше бы обычную мебель продавали! — сказал Виктор Сидорович и покинул офис.

Анфиса задумалась: значит, получилась антикварная мебель, а младший Селедкин — настоящий потомственный ма-

стер! Она вызвала Родиона Селедкина и вручила ему премию внушительного размера.

У того глаза округлились, а Анфиса сказала:

— Заслужил, Родион! Хорошая работа.

Анфиса сидела и думала: что делать дальше? Для комплекта мебели известному хоккеисту она использовала неприкосновенный запас мистики. Степан Степанович вернулся из командировки влюбленным котом без мистических предметов. От Платона информация не поступала. У Степана Степановича был почти готов очередной комплект, а у нее за душой было пусто. Кстати, о душах. А где эти души водятся? В бездне. Правильно, но туда нельзя. Мистика должна быть живой. Где могут быть предметы старины на поверхности Земли? Если с юга Родион приехал пустой и влюбленный, то надо послать его на север, где людей ходит мало, где что-нибудь залежалось на чердаках старых домов.

Родион, услышав новое задание, пришел в отчаянье, ему так нужна Полина, а ему говорят: «Брысь на север. Ищи ветра в поле трехсотлетней выдержки». А что делать? Надо ехать, хоть щепу привезти, главное, чтобы натурально древнюю. Стал он изучать историю северных городов, да запутался и вновь позвонил Анфисе:

— Анфиса, помоги! Скажи, где у нас на севере города, которым более трехсот лет, чтобы от них можно было нащипать мистики?

— И это правильный вопрос. Родион, кстати, где твой друг Платон?

— Ты чего? У тебя крыша поехала? Хотя, знаешь, ко мне приходил один мужик, говорил явную глупость, на лицо чужой, а по спине Платон.

— Так и я видела этого мужика, а потом он исчез!

— Вот это да! Он что, медаль? С одной стороны — неизвестный, а с другой — Платон!

— Ладно, а ты знаешь, как его найти? — спросила Анфиса.

— Представления не имею. Лучше найди северный город и скажи, как туда проехать и что там искать.

— Начни с древнего Новгорода. На городище постоянно идут раскопки, не найдешь предмет обихода, так от стены древних домов всегда можно отщипнуть лучину: не от тех, что снаружи, они каменные, а от тех, что в земле зарыты. Храмы там тоже каменные, но в них есть деревянные предметы не первой исторической важности.

Инна, как и солнце, случайно заглянула в комнату матери, да так и осталась. Она села у принтера печатать цветные рисунки и фотографии. А мать Агнесса в это время, как домашний меланхолик, убирала квартиру, мыла посуду, гладила и сглаживала углы. Инна ходила по квартире в коротких шортах и топиках, как будто она жила на юге. Мать ходила в велюровом халате и меховых тапочках, как будто дома царил собачий холод. Матери при виде бровей дочери захотелось

пойти в салон и покрасить свои брови, чтобы они были гуще. Дочь при виде бледных полосок бровей матери села уменьшать свои черные заросли в верхней части лица.

Мать равнодушно смотрела в экран телевизора, но, поглядев на дочь, спросила:

— Инна, ты седые брови выдергиваешь?

— А они у меня есть? Седые брови? — откликнулась она и посмотрела на улов инструмента, ей удалось сразу выщипать несколько волосков из бровей.

На телеэкране певец исполнил песню, появилась реклама кофе, на этом Инна переключила программу и стала слушать прогноз погоды. На ближайшие дни прогноз погоды был просто хороший. Она вытянула свои ноги и спокойно посмотрела на экран.

— А почему ресницы висят? — спросила Инна, глядя в зеркало.

— А я видела ресницы в два раза больше твоих. — сказала мать, подойдя и посмотрев в ее зеркало. — Ты знаешь, что большие ресницы лицо делают привлекательным?

— О! — воскликнула Инна, накрасив тщательно ершиком ресницы, которые успела нарастить.

— Я твое лицо не трогаю. — сказала мать, а потом спросила: — а ты куда собираешься?

— Хочу очень большие ресницы. Я на свидание иду.

На стене висели фотографии красивых девушек в одежде из полосок тканей с копьями и перьями на фоне лазурного

моря. И вот среди этой красоты Инна не прожила и дня, а теперь она глядела на огромное небо и лес средней полосы на горизонте, с трудом вспоминая море. Теперь она жила дома, как орел на привязи, жаль, что на фоне ее никто не снимался.

Инна росла нормальной девочкой и смотрела смешные фильмы — и выросла крепкой девушкой. Но однажды она поняла, что вид у нее как у простых девушек. И она похудела. Изящная девушка стала скучной и ленивой. Сил у нее было мало из-за голода. Она ничего не хотела делать, никого не любила. У нее появились слова, что замуж он не хочет и детей у нее никогда не будет. В страшном ленивом состоянии она худела и огрызалась на все попытки окружающих заставить ее заняться физическими упражнениями. Лень на грани фантастики истощала ее силы, а она только иногда замеряла свою тонкую талию.

Мама отвезла дочь на море, чтобы она хотя бы поплавала среди медуз. Но чуда не произошло: девушка приходила на берег моря, ложилась на белый топчан и смотрела в песок. Потом вставала и уходила лежать в номер. Она не читала книг, практически не ела, позволяя себя один раз в день отвезти в кафе, где сидела и пренебрежительно смотрела на тех, кто ел. Никто не мог заставить ее засмеяться или посмотреть на экран с юмористами.

Мать всерьез опечалилась. Она отвела кисейную барышню на дискотеку, посадив ее в темный угол. Инна безразлично взирала на танцующую публику. Мать принесла ей кок-

тейль в высоком стакане и ушла домой. Девушка лениво поднесла себя к соломинке и отпила напиток. Шквал музыки обрушился на нее со всех сторон. По веранде скользили зеркальные блики.

Девушка сидела и пренебрежительно смотрела на прыгающую публику. Крепкие, загорелые молодые ребята и девушки двигались в ритме музыки или сидели за столиками и пили холодные напитки. Через некоторое время пришла мать и увела дочь домой. Девушка после такого выхода в свет проспала до полдника, после чего один раз сходила на море. Скука, кромешная скука сопровождала лень девушки. Она не влюблялась, не увлекалась никем и ничем.

Поехал Родион в северный древний Новгород то ли покорять, то ли ущемлять, это уж как получится. Город как город, а ворота у одного храма такие огромные да кованые. Колокола гигантские и все на месте, еще и звонят. Но такие большие предметы оказывают мистическое влияние на огромное число людей. Вон, сколько автобусов со всего мира в город приезжает! А сколько среди них зарубежных туристов? Почти половина. И все они ходят по городу в поисках древности, визуальной или карманной.

Попал Родион на одну экскурсию за город, он думал, что там древность есть, а там был выстроен деревянный город, стилизованный под старые дома, а бревна новехонькие, и отщипнуть нечего. Внутри домов была собрана утварь, но тоже видно, что она новая. Горько стало Родиону, опять задание

не выполнил, решил опят поискать в ближнем лесу.

Пошел Родион в лес. В лесу старушку встретил, махонькую, сухонькую, с курносым носом, с седыми волосами, заплетенными в тоненькие косички и вокруг головы напутанные. В руках она несла корзину с грибами.

От корзинки Родион глаз оторвать не мог.

— Бабуля, сколько лет твоей корзинке?

— Родимый ты мой, если бы знала, так сказала, она мне от бабки досталась, много у меня других корзинок было, да все состарились, а этой — хоть бы что!

— Продай корзинку, я тебе заплачу, сотню новых корзин купишь, еще внукам останется.

— Так, почитай, жалко ее.

— Слушай, бабуля, твои внуки грибы собирают в лесу?

— Ты что, касатик, они в городе каменном живут, шампиньоны в магазинах покупают.

— Продай корзинку, бабуля!

— Так я тебе новую корзинку продам, зачем тебе это старье!

— Мне эта корзина нужна! Меня за ней послали. Хожу я тут по лесам, ищу тебя.

— Правда меня ищешь? — лукаво спросила старушка.

— Тебя ищу, с корзинкой.

— Фу ты, как привязался! Был бы ты крещенный — никогда не стал бы из рук корзинку выпрашивать.

— Сколько хочешь денег за свою корзинку? Ведь я мог

бы у тебя из рук ее вырвать, но я с тобой переговоры веду, можно сказать, на государственном уровне!

— Вот треклятый, почини мне забор да крышу, тогда отдам тебе корзину.

— Ты, бабуля, не промах, идем, покажи свою хибару.

Бабуля повернула в другую сторону. Покрутила его вокруг елей да сосен, он вообще потерял ориентир, откуда пришел и куда идет. Пришли они к избушке, старой, не в пример музейным. Треть избы занимала огромная печь.

— Бабуля, зачем тебе печь такая огромная?

— Ты чего, сизый мой, так я в ней моюсь, после того как хлеб испеку, я на ней и сплю.

— Ох, тяжело ты, бабушка, живешь!

— А куда легче! У меня все есть!

— Где продукты берешь?

— Мне много надо? Колбасы я ваши не ем. Грибков насобираю, муку мне привозят. Так и подумай, зачем мне твои деньги?

— Вот попал! Неужели тебе ничего не надо?

— Надо. Дровишки завсегда мне нужны, люблю я тепло.

— Где дрова взять?

— Ты чего, родимый, больной? Гляди, лесу-то сколько! Неужели мне на дрова не хватит!

— Может тебе пилу «Дружба» купить?

— Так я с малолетства топором дрова рубила.

— Ладно. Показывай забор и крышу.

Глава 7

Через три дня, поработав топором, Родион получил корзину и свободу. Старушка денег у него взяла совсем немного и столько, сколько считала нужным. Он купил жесткую сумку, упаковал в нее корзину, чтобы не сломалась, и домой поехал.

Анфиса, увидев корзину, всплеснула по-стариковски руками:

— Молодец, Родион! Чудо! Это настоящее чудо! Свет выключи.

Родион выключил свет, закрыл окна. Корзина светилась матовым блеском.

— Настоящая! Проси, что хочешь!

— Ладно, я ушел, мне завтра на работу к Степану Степановичу выходить.

— Отлично.

Простая задача: как скрестить новую мебель со старой корзиной — была Анфисе по силам, это она четко осознавала. Дерево к дереву, и чтобы лучилось! Сердце ее в это время было абсолютно свободным, деньги ей были нужны, и вечерами она сидела с сыном и прорисовывала вензеля с вплетенными в них прутиками из корзинки. Корзинку расплели, предварительно замочив, чтобы она не ломалась. Старые веточки напоминали по внешнему виду копченый сыр.

К Анфисе на огонек стал заходить Родион: то ли его тянула корзинка, то ли она сама, но он играл с малышом и уходить домой не собирался. Полина стала забываться, а вот Анфиса заполонила все его существо. Или это корзина их связывала? Кто знает.

Анфиса иногда шутила:

— Платона не боишься?

— Не знаю, если честно, но мне с тобой уютно.

— Как у Степана Степановича работается? Не обижает?

— А чего нам с ним делить? У нас разные обязанности, я свои выполняю.

— Давай назовем новый комплект мистической мебели «Копченый сыр».

— Анфиса, ты лучше ничего не придумала?

— А чем плохо? Предложим его директору мясомолочного комбината, где этот чудесный сыр выпускают.

— Ты этот сыр любишь? Он дорогой!

— Так он сухой. Возникает иллюзия, что его ешь, ешь, и челюсти устанут, а ты при этом не поправляешься.

— Если так, то по мне лучше бутерброд. Сообрази чай с лимоном и бутерброд с обычным сыром и маслом, я это все купил, в холодильнике лежит.

— Раз лежит — сделаем, мне недолго.

Интересные у них складывались отношения: без страсти, без видимых взглядов. Так, теплые отношения, тихие слова, никаких совместных планов на будущее. Работа у Степа-

на Степановича в фирме благоприятно отразилась на внешнем облике Родиона, он стал уверенней в себе, стал лучше одеваться, лучше стричься. Они не кидались друг другу на шею, не было поцелуев, но все чаще вечера Родион и Анфиса проводили вместе, втроем с ребенком гуляли по выходным в парке. Возникало ощущение, что они начинают жить с чистого листа. Этого не могла не заметить Инесса Евгеньевна, но и она не возражала против дополнительной опеки ее внука Евгения.

Название нового комплекта мебели «Копченый сыр» Анфиса предложила директору комбината, производящего копченый сыр. Директор удивился, рассмеялся и купил за хорошие деньги весь комплект мебели.

Родион получил задание: найти деревянный предмет прошлого, и обязательно настоящий! Деньги ему нужны были так, что и передать нельзя! Родион, недолго думая, сел на пригородный автобус и поехал до самой дальней деревни, куда не ходят поезда. Вышел он на последнем клочке асфальта, кругом была грязь после дождя, виднелось несколько домов, старая ферма, конюшня.

Погладив себя по голове за то, что взял с собой высокие резиновые сапоги, Родион переобулся и пошел месить грязь по деревне. Он сразу заметил дальний дом. Постучал, а в ответ тишина. Толкнул дверь. Она открылась. Обошел бедную хибару. В дальнем углу на кровати лежал старик. Он еще дышал.

— Дед, ты жив?

— А чего тебе надо здесь?

— Так, мимо шел и зашел.

— Откуда меня знаешь?

— Я тебя не знаю. Есть хочешь, дед?

— Давай свою еду, ко мне тут заходят, кормят. Мне, чай, восемьдесят седьмой год идет.

Достал Родион еду, для себя припасенную, и выложил ее перед дедом. Тот обрадовался и стал жевать пищу тремя зубами. Выпил стопочку кагора, разговорился, после второй стал хвастаться. Родион беседу поддерживает да на антиквариат местного производства наталкивает, а сам избу оглядывает.

С первого взгляда ничего не нашел. После третьей рюмки дед намекнул, мол, сходил бы Родион за соленым огурчиком, ему самому тяжело спускаться в подпол.

Родиона упрашивать было не надо, полез он в подпол. Три ступеньки и земляной пол под ногами, в нишах — несколько банок с огурцами. Маленькая деревянная бочка с солеными грибами с плесенью на марле. Две трехлитровые стеклянные банки с брусникой, залитые водой. В фанерных ящиках лежал картофель. Взял Родион банку огурцов и решил уже выходить на свет и свечку тушить, как вдруг его взгляд натолкнулся на крашеный шкафчик. Открыл его, а там пустые стеклянные банки. Ничего больше! Потушил свечку, к деду пошел, а тот уснул, сопит себе после кагора. Стал Родион из-

бу обходить да все дверцы открывать. Потом ставни закрыл, свет потушил и стал ждать чуда! Сам задремал после кагора.

Сон Родиону приснился: девушка берет его за руку и ведет на чердак. Он проснулся. Темно. Открыл ставни: на улице светло. Посмотрел, как на чердак забраться. Полез. Залез. Свечу зажег. На фанере плесневелые яблоки лежат. В углу сундук стоит. Открыл сундук, в нем оказались тряпки старые из темного сукна. Вытащил все. Некоторые вещи молью подернуты. Брезгливо перебрал все, ничего деревянного в сундуке, кроме самого сундука, не было.

Родион словно взгляд в спине почувствовал, резко обернулся и увидел свечение. Подошел. Посмотрел на пол чердака. На полу лежала доска с рельефом, раньше такими досками белье гладили — до утюгов с угольками, до чугунных утюгов, которые просто на печь ставили.

Поднял он гладильную доску, а рядом еще валик лежит, свет излучает. Вспомнил Родион, что раньше гладили двумя этими предметами. Взял валик и доску, стал спускаться с крыши, ступеньки под его тяжестью и обломились. Он полетел кубарем и потерял сознание.

Очнулся — рядом дед стоит:

— Так ты вор, стало быть? А я думал, ты человек! Смотри, чего натворил, сказал бы уж, чего ищешь, продал бы тебе.

Родиону стыдно стало.

— Дед, я все починю и все расскажу.

Пришлось Родиону чинить лестницу, забор и все, что дед

ему наметил, за работу получил он предметы быта из далекого прошлого.

Анфиса обрадовалась деревянному утюгу, оплатила его, но подумала, что все это уйдет в комплект для Тони. Следующая интересная передача Анфисе попалась о русском модерне в мебельной промышленности конца девятнадцатого века.

Отличная мебель, видимо, жил-был великолепный мастер, великолепная резьба по дереву — зря передачу не записала, такие предметы старины! Важна идея, а сделать русский модерн можно всегда, вот если бы его можно было на поток поставить!

Родион привез редкую березу. Анфиса проработала внешний вид гарнитура и сказала, что он принадлежал потомкам боярыни Морозовой. Ей поверили. Анфиса, посмотрев на полуфабрикаты, вызвала Степана Степановича. Он, похудевший, но счастливый, явился перед ее глазами и вскоре запустил в производство комплект мебели на бывшей своей фирме: в результате каких-то махинаций, в которых сквозило имя Степана, фирма перестала принадлежать ему, но суд вернул ее Степану Степановичу, когда Анфиса приложила к этому руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.